

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Лучший экипаж Солнечной • Саботажник

ОЛЕГ ДИВОВ
НЕБО И ЗЕМЛЯ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д44

Разработка серийного оформления
Константина Гусарева

Дивов, Олег Игоревич.
Д44 Небо и Земля / Олег Дивов. — Москва : Эксмо, 2022. —
608 с.

ISBN 978-5-04-168846-2

«Лучший экипаж Солнечной» — лихая и жестокая история военных астронавтов, которые были героями, а потом оказались не нужны, брошены, преданы и, наконец, прокляты. Не надо так с людьми, чья профессия — космический бой, а призвание — защищать и служить.

«Саботажник» — книга-обманка, вроде бы про идиотизм и бесконечную пьянку на планете, где по небу летают крокодилы, а под ногами течет эликсир бессмертия. А еще про войну и мир, жизнь и смерть, веру и надежду.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168846-2

© Дивов О., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

Часть I

Над землёй

Из одежды на дежурном навигаторе Иве Кендалл были только боевой спецкостюм и ниточка от тампакса. В принципе рабочую форму военного астронавта даже рекомендуется надевать иногда на голое тело. Лучше чувствуешь, как действуют усилители. Спецкостюм в какой-то степени оружие, и эффективно пользоваться им учатся годами. Ещё в костюме нельзя выходить за ворота наземных баз. Иначе, вздумай ты дать кому-нибудь в лоб, у противника отвалится голова, а тебе нужен будет протез кисти.

С пристёгнутыми ботинками костюм мгновенно превращается в скафандр: стоит только поднять капюшон и опустить маску. Ботинки Ива сунула под свой пульт. Астронавты любят на работе ходить босиком. Во-первых, пол на корабле стерильный, чуть подогретый и очень приятный на ощупь. Во-вторых, ботинки страшно тяжёлые. В-третьих, шляться по кораблю разутым категорически запрещено.

Но когда на борту такой бардак, что за подвижность отвечает женщина, у которой месячные начнутся с минуты на минуту, нести вахту можно хоть нагишом.

По сравнению с тем, что бомбардир Фокс третьего дня сломал нос старшему технику, это вообще не будет считаться за проступок.

Тем более что в сейфе малого оперативного штаба нашли канистру самогона.

И контроль отражателей барахлит.

А на дне бассейна какой-то самородок очень реалистично нарисовал активной краской двухметровый фаллос. Краска намертво

взелась в покрытие, а бассейн такой здоровый, что выбрасывается только вместе с кораблём. И замазать эту порнографию невозможно, потому что сквозь другой цвет активная краска просочится, а в бассейне с радикально красным дном беззаботно плещутся только утопленники.

Под давлением таких печальных обстоятельств старпом Боровский, который ещё полгода назад скорее удавился бы, чем поставил на дежурство женщину в критические дни, только сказал: «Ты, Кенди, поаккуратнее, да?» А Кенди именно одного дежурства в этом месяце не хватало, чтобы в платёжной ведомости нарисовался лишний нолик.

Кенди-Конфетка в списках группы F значится как мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл. Ей тридцать лет, она стриженная под мальчика зеленоглазая блондинка и потрясающе водит корабли. На парадном кителе у неё две Летучих Медали, Офигенный Лётный Крест и очень редкая для астронавта награда: Пурпурное Сердце. Это штука до того серьёзная, что острословы просто не придумали, как её обозвать. Дело в том, что военный астронавт почти никогда не бывает ранен. Он, как правило, сразу оказывается убит. И не столько наповал, сколько вдребезги, а то и в клочья. Потому что с дыркой в обшивке жить и воевать можно. А вот с дыркой в обшивке и дыркой в спецкостюме — это вряд ли. Это, как любит говорить адмирал Рашен, стопроцентный pizdets.

Во всей группе F кавалеров Пурпурного Сердца только трое. И все ходят на флагмане. Трёхзвёздный адмирал Рашен, он же командир «Тушканчика», старпом командер¹ Жан-Поль Боровский и мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл.

Рашен получил Сердце в незапамятные времена, когда был по званию едва-едва капитаном и гордого прозвища Рашен ещё не носил. Кто-то там в него стрелял. Ну и он кого-то шлёпнул. А вот Боровский и Кенди схлопотали по медали вместе, три года назад, за вторую марсианскую кампанию. В составе призовой команды вели на базу трофейный бэттлшип «Энтерпрайз» и едва не стали жерт-

---

¹ Коммандер (*здесь*) — капитан третьего ранга.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

вами диверсии. Здоровенная дура размером с Фобос неожиданно взбрыкнула и так об этот самый Фобос приложилась, что пришлось её списать на металлолом. Боровский в момент рывка уже отстегнулся и стоял на ногах. Старпома размазало по стене, и в таранном ударе о спутник он участвовал пассивно, валяясь без сознания. А Кенди боролась за корабль до последней секунды, умудрилась-таки перевести удар из лобового в скользящий, и все было бы ничего, но тут у неё кресло сорвалось с креплений. Три ребра Кенди оставила на краю пульта управления и тридцать зубов — в маске спецкостюма. Заработала на память шрам под левой грудью, красивые зубы за счёт Адмиралтейства и медаль. И ещё, говорят, сам Рашен её на руках нёс и чуть не плакал. Только из этого Кенди удовольствия не извлекла, поскольку уже отдавала концы, и явился ей некто белый и пушистый. Так бы он её и увел к себе, если бы не гениальный спецкостюм и не отчаянный Рашен. Спецкостюм не дал Кенди мгновенно помереть от ударной деформации. А Рашен привел «Тушканчик» к Фобосу с такими бешеными ускорениями, что потом вся команда ещё неделю ходила, пошатываясь. Кстати, сам адмирал перегрузку «держит» плохо. Не мальчик уже, сорок шесть мужику. Но пожалей он себя и опоздай минут на двадцать — была бы у Кенди другая медаль и посмертно.

А теперь и война кончилась, и на вахту можно выйти босиком и без трусов, старшие офицеры лупят друг друга по морде, как сопливые курсанты, а в бассейне кто-то член нарисовал. Адмирал уехал вниз на совещание. Единственное позитивное событие — то, что над контролем отражателей колдует новый старший техник. Очень красивый мужик по фамилии Вернер. Такое у него лицо... Кошачье. «Зовите меня просто Энди, капитан». — «А вы будете звать меня Кенди, лейтенант? Энди и Кенди. А?..» — «Извините, капитан, я, кажется, допустил бестактность». — «Не берите в голову, лейтенант. Я просто хотела тонко намекнуть, что вы ещё не свой на „Тушканчике“. Получилось?» — «Получилось, капитан. Принял к сведению. Не считите за труд, отрубите питание вот здесь». — «Запросто... Энди». — «Спасибо, капитан».

Держится как ветеран. Лет примерно тридцать пять. Мог бы быть капитаном, но всего лишь лейтенант. А на груди планка. Одна-

единственная медаль. Четвёртое на «Тушканчике» Пурпурное Сердце.

Ива рассеянно перелистнула на своем терминале несколько страниц женского романа (ещё одно злостное служебное нарушение) и отвернулась к большому, во всю стену, обзорному экрану. В боевой рубке экран такой, что дух захватывает. А здесь, в ходовой, просто большой.

«Тушканчик» летел над Россией. Внизу не было огней, и легендарная страна выглядела с орбиты пугающей в своей безбрежности чёрной дырой.

В углу Вернер одной рукой выбивал команды на «доске» мобильного терминала, а другой перебрасывал контакты. Работал он красиво и явно с удовольствием. А ещё красивее было то, как при каждом повороте головы скакал у него с плеча на плечо длинный, чуть не до лопаток, коричневый хвост, схваченный на затылке резинкой с кожаным чёрным бантиком. Волосы у Энди просто обалденные. Блестящие и холёные. Ива невольно залюбовалась ими, с сожалением подергала себя за чёлку и застыла, поражённая догадкой. На «Тушканчике» все мужики по окончании войны начали отпускать такие же хвосты по моде средневековых аристократов. В знак протеста: мол, вы решили армию распустить, а мы тогда будем ходить обросшие и небритые. Но пока ещё хвостики у ребят были куцые. А вот Энди... Оказывается, мастер-техник лейтенант Вернер очень давно не был в космосе. Как минимум — на боевых кораблях.

Ива как раз примерялась задать Вернеру какой-нибудь хитрый провокационный вопрос, когда в ходовую рубку, шлёпая босыми ногами, вошла Линда.

— Здорово, мать! — провозгласила она с порога. — Как жизнь половая?

В отличие от Ивы, Линда сейчас не дежурила, но тем не менее оказалась в трусах. Правда, больше на ней не было вообще ничего. Вернер бросил на Линду косой взгляд, неожиданно смутился и нырнул в свою машинерию аж по пояс.

— Жизнь нормально, — ответила Ива, исподволь разглядывая Линду и прислушиваясь к странным ощущениям где-то внутри. У Ивы не было гомосексуального опыта, и она не хотела признаться

себе, что крупная и сильная белокурая Линда волнует её. Ива вдруг представила, как эта тяжёлая полная грудь с коричневыми сосками ложится ей на живот, большой жадный рот по очереди заглатывает целиком её маленькие острые груди, сильная рука широко раздвигает колени, и властные пальцы ударом, толчком входят в неё... Чтобы отогнать видение, пришлось зажмуриться и помотать головой. Конечно, в реальности ничего подобного случиться не могло, да Ива и не особенно этого хотела. Но от Линды сейчас шла такая мощная волна сексуальных эмоций, что не поддаться её настроению было просто невозможно.

— Ты чего морщишься? — спросила Линда. — Нездоровится?

— Да нет, — отмахнулась Ива. — Первый день. Грудь побаливает и вообще...

— А-а... Соболезную. Прими таблеточку.

— Да уже. Ты-то как, подруга?

— Мне уже таблетками не поможешь, — заявила подруга. — Вниз пора. Трахаться.

Вернер, который в этот момент осторожно выползал, пятясь, из недр контрольного пульта, крепко стукнулся затылком и что-то неразборчиво буркнул. Линда хищно уставилась на его ягодички и машинально почесала зад.

— Ну, потерпи недельку, — сочувственно вздохнула Ива. Они были с Линдой в одной смене и через восемь дней вместе отправлялись вниз, то есть на Землю, на отдых и тренировочные курсы. В мирное время служба на кораблях группы F шла двухнедельными циклами. Четырнадцать дней наверху, сутки на пересменку и тринадцать дней внизу. И наверху, как правило, было не до мыслей о сексе. Да и модель отношений между астронавтами исторически сложилась не та. Экипаж — семья. Братья и сестры. Все друг друга любят, берегут, разве что пылинки не сдувают. Неуставные безобразия в группе F начались совсем недавно. Армия переживала глубочайший кризис, и людям приходилось нелегко.

— Через недельку как раз у меня месячные начнутся, — объяснила Линда. — Ну ладно, подруга. Вижу я, ты в порядке. Неси службу. Пойду, что ли, изнасилую кого-нибудь... — Она крепко хлопнула Иву по плечу, цыкнула зубом в сторону притихшего в углу Вернера

и, демонстративно вихляя бёдрами, покинула рубку. Вернер уткнулся носом в монитор и деловито застучал по «доске». Ива любовалась его причёской. Потом вдалеке Линда заорала: «Здорово, отец! Как жизнь половая?!» Из коридора донеслись хохот и звучные шлепки по голому телу.

— Насколько я помню, на круизерах положен по штатному расписанию психолог, — задумчиво произнёс, не отрываясь от работы, Вернер.

— Он только что был здесь, — ответила Ива равнодушно.

Вернер обернулся и посмотрел на Иву в лёгком изумлении. Ива заметила, какие у него красивые глаза, и потупилась.

— Однако! — пробурчал Вернер.

— Она с нами всю вторую марсианскую кампанию прошла, — заметила Ива. — Ей буквально цены нет. Между прочим, Линда капитан.

— Кстати, о второй марсианской, — сменил тему Вернер. — Я всё хотел спросить... Откуда у вас Пурпурное Сердце, капитан?

— Воевала, — ответила Ива неожиданно сухим тоном. Ей даже стало немного стыдно. — А у вас, лейтенант?

— Болел, — отрезал Вернер и вернулся к работе.

«Обиделся, — подумала Ива. — Ну и дурак». Она снова отвернулась к экрану. В поле зрения показалась чудовищная туша висящего на геостационарной орбите мегадестроера «Джон Гордон». Ярко-белую букву F на его необъятном черном брюхе можно было разглядеть с Земли в театральные бинокль. С помощью этой буквы «Гордон» выполнял значительную часть своей работы — напоминал, кто в мире хозяин. Увы, марсианские колонисты в своей безумной гордыне позабыли, что, имея бомбер над головой, лучше быть смиренными и послушными. А потом их пример заразил Венеру. И тогда бомберы перестали запугивать и начали бомбить.

Маленький «Тушканчик» на фоне «Гордона» выглядел сущей блохой. Но только выглядел. Потому что на «Тушканчике» (он же «Муад-Диб», он же «наш Махди», а то и просто «старина Пол») держал флаг командир группы F адмирал Рашен. А сам «Тушканчик» значился в реестре Адмиралтейства как круизер серии 100 «Пол Атридес».

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

Теоретически Рашен должен был ходить именно на «Гордоне» или на аналогичной дуре серии 105, даром что понастроили их достаточно. Но после одного прискорбного инцидента Рашен поклялся до пенсии летать на круизере, а слово его было крепко. Поэтому на «Гордоне» разместился контр-адмирал Задница со своим раздутым штатом планировщиков, аналитиков и прочих штабных писарей. А Рашен скакал на «Тушканчике» с его тесными каютами, минимумом удобств и небольшим экипажем — и ни на что не жаловался. Корабль, приспособленный ко входу в атмосферу, его вполне устраивал. Однажды такой круизер, «Лок фон Рей», спас ему жизнь. Это случилось ещё в первую марсианскую кампанию, Рашен был капитаном, и на «Фон Рее» он нырнул в Юпитер.

Дежурная смена тогда проворонила врага. Тот самый злосчастный бэттлшип «Энтерпрайз», на котором Ива билась о Фобос и который хронически всю войну переходил из рук в руки, зажал «Фон Рея» на траверзе Юпитера. Обложил самоходными минами, выпустил целое крыло¹ фэйтеров на перехват, отжал к поверхности и начал расстреливать. Деваться было некуда. Рашен спикировал в атмосферу и тонул в ней, пока висящие у него на хвосте фэйтеры не начало ploщить, как консервные банки. Месяц «Фон Рей», кряхтя и стелая, провисел в жуткой пузырящейся каше, под многократной перегрузкой и на пределе своей прочности. Корабль пытку выдержал. Но здорово поломался экипаж. Того и гляди тебя раздавит, ты лежишь в полубоморочном состоянии и едва-едва дышишь, а где-то наверху барражирует здоровенный бэттлшип. И так день за днём. По-настоящему нормальными людьми из этой передряги вышли от силы десять человек во главе, разумеется, с негибаемым Рашеном. Тех, кто начал трогаться рассудком, доктор накачивал депрессантами и заставлял уснуть. Сам доктор на двадцать восьмые сутки застрелился, потому что медикаменты у него вышли, а психика тоже истощилась, и он решил, что больше никому здесь не нужен. А на тридцатый день «Фон Рей» всплыл, как субмарина, шарахнул «Энтерпрайзу» по отражателям и к едрёне матери все их разнёс. Обошёл потерявшую ход махину по широкой дуге и рванул на

---

¹ Крыло (*здесь*) — дивизион, усиленный дивизион, реже — малая эскадра.

базу. Рашен сдал в психушку экипаж, получил звание командера, Медаль За Наглость и новенький, с иголочки, «Эрик Джон Старк», систершип «Гордона». Но у Рашена после Юпитера в одночасье посидели виски. И на мегадестрое он не пошёл. Потому что этот корабль мог продырявить насквозь планету земного типа, но был не в состоянии войти в сколько-нибудь плотную атмосферу. А зачем нужны плотные атмосферы, Рашен сам уяснил и другим рассказал.

Кроме того, ему совсем не хотелось бомбить сепаратистов. Основной специальностью Рашена был космический бой, он атаковал, разрушал и захватывал корабли повстанцев. А мегадестроееры работали из космоса по поверхности, не разбирая, где там внизу армия ползает, а где просто люди живут. Так что какая слава его ждёт, прими он «Старка», Рашен очень точно вычислил.

И тогда начальник Рашена вице-адмирал Кениг повысил на него голос. При свидетелях он произнёс свою историческую речь, в которой раз десять кряду прозвучало: «Ах, ты, русский наглец!» И при тех же свидетелях Рашен ему ответил. «Все правильно, — сказал он. — Не отрицаю, что наглец. И не отрицаю, что русский. Более того, горжусь своей русской кровью. И как русский офицер, заявляю: я всегда дрался по законам чести и намерен поступать так впредь. Дайте мне хороший корабль и прикажите сбивать плохие корабли. А на этой huevine ходите сами. И бомбите, сколько влезет. А если вам не нравится чьё-то происхождение, то, во-первых, это не по Уставу, а во-вторых, просто неприлично. И впредь, господин вице-адмирал, забудьте моё настоящее имя. Зовите просто — командер Рашен!»

Кениг схватился для начала за сердце, а потом за пистолет. Рашен был в спецкостюме и как раз уже примерился треснуть начальника по голове, что кончилось бы плачевно, но тут подал голос адмирал флота, покойный Хантер.

«Отстань от парня, Гуннар, — приказал он. — Ты не прав. А вы, командер, встаньте смирно. В рамках держитесь, ясно? Значит, так. Сейчас заканчивают ходовые испытания на ещё одном „сотом“. Для себя готовил. А отдаю вам. Звать корабль „Пол Атридес“. На таком дурака валять нельзя: имя обязывает. Идите и готовьтесь его принять, а заодно возьмёте под начало все силы прикрытия группы F. И сколотите мне из них такое лихое крыло, чтобы ни одна марсианская сво-

лочь не отлипла от поверхности. И если через месяц хоть одна краснотазая посудина будет летать, я вас разжалую и посажу. Всё ясно?»

«Так точно, господин адмирал флота, — отчеканил Рашен. — Разрешите доложить. Одна сволочь летать будет. Но плохо и недалеко».

«Это какая же?» — удивился Хантер.

«Да „Энтерпрайз“, будь он неладен», — напомнил Рашен.

Тут Хантер заржал и смеялся долго, наливаясь краской и хлопая себя ладонями по коленям.

«Ладно, — сказал он, отсмеявшись. — „Энтерпрайз“ пусть летает пока. Не до него. А теперь вы идите и воюйте хорошо... командер Рашен».

Так Рашен приобрел своё прозвище, которое приклеилось к нему накрепко. А «Энтерпрайз» доковывлял до Марса только к самому концу войны и прибыл на орбиту донельзя лояльный, с запертými в карцере офицерами и весь обляпанный демаскирующей белой краской. Некоторое время он ходил под земным флагом, его даже собирались переименовать по-человечески. Потом решили, что бэттлшип морально устарел, отказались от капремонта и решили толкнуть на вторичном рынке. Но коммерсанты «Энтерпрайз» оплевали, сказав, что на корабле с такой потрёпанной ходовой частью нерентабельно возить даже мусор. Тогда разоружённый бэттлшип вернули марсианам, которые умудрились-таки его залатать и поставили новые пушки. В самом начале второй кампании «Энтерпрайз» захватила диверсионная группа землян и отогнала на Венеру. Как выяснилось, зря. Венериане провозгласили суверенитет и долго ещё пугали этим кораблём Землю. Затем «Энтерпрайз» у них отбили, позорно сдали марсианам, ещё какое-то время он воевал в поясе астероидов, пока не столкнулся во второй раз с войсками Рашена и не принуждён был сдаться. Оставленный повстанцами компьютерный вирус сыграл злую шутку с мастер-навигатором Иветтой Кендалл, и на этом история «Энтерпрайза» завершилась...

«Тушканчик» прошёл от «Гордона» в сотне километров, и громадная машина смерти бросила Иве на терминал дежурное ОК. Компьютер сам дал подтверждение — молодцы, несите службу, — и на этом обмен любезностями завершился. А в боевую рубку вва-

лился, в окружении клубов сизого дыма, Фокс. Изо рта у него торчала квадратная в сечении гавана внушительной длины. Под левым глазом бомбардира красовался фиолетовый синяк. И ботинки он, разумеется, где-то забыл.

— Привет, Конфетка! — промычал Фокс, вынул сигару изо рта и пошёл к Иве, широко улыбаясь. — Дай-ка я тебя, солнышко, облизну!

Ива засмеялась, позволила Фоксу отечески чмокнуть себя в макушку и в ответ потрепала по толстой щеке. За последние несколько месяцев склонного к полноте Фокса здорово разнесло. Комбинезон на нём так и топорщился.

Должность у Фокса была «старший эксперт по огневому взаимодействию». Поэтому иначе как бомбардиром его никто не называл.

— Салют, Андрэ! Как твоё самочувствие? — спросил Фокс у Вернера. Эту фразу он произнёс по-французски, чтобы подчеркнуть обращение на ты. Ива удивлённо подняла брови. Ей и в голову не приходило, что Вернера на «Тушканчике» кто-то может давно и хорошо знать.

— Спасибо, Мишель, порядок, — бросил через плечо Вернер. — А ты почему всё ещё с синяком?

— Я его ношу как орден, — гордо ответил Фокс. — Ну, как там у «старика Пола» с отражателями?

— Похоже, заводской брак в одном блоке. Ничего серьёзного. А тебе-то что? Наше дело рулить, твоё дело бомбить... Меньше хода — прицел чётче.

— Мне до всего есть дело, — сообщил Фокс. — Я «старика Пола» люблю всем сердцем. Меня беспокоит любая мелочь. Даже то, что у нашей Линды сексуальный психоз. Конфетка, у тебя был когда-нибудь сексуальный психоз?.. Кстати, ребята, какая из вас получится классная пара! Энди и Кенди!

Ива поманила Фокса пальцем и, когда тот к ней нагнулся, крепко схватила его за нос.

— Ой, де дадо! — взвыл бомбардир. — Я больше де буду!

— Так его, болтуна... — одобрил экзекуцию Вернер.

Ива отпустила нос бомбардира и поймала Фокса за воротник, чтобы не сбежал.

— Ты откуда его знаешь, Майк? — прошипела она Фоксу на ухо.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— А что? — шёпотом удивился Фокс, растирая покрасневший нос. — Энди ходил на «Фон Рее». Мы оба из первого экипажа Рашена. Просто меня сразу послали на переподготовку, и я не успел... э-э... Короче, ничего не успел. А Энди... Видела у него планку Сердца? Вот так-то.

— А-а... — протянула Ива многозначительно, ничего толком не поняв.

Фокс распрямился, воткнул сигару в рот и упёр руки в бока.

— На «Тушканчике» теперь просто уникальное общество, — сказал он в полный голос. — Целых четыре Пурпурных Сердца и аж двое русских. Про нас ещё песни сложат. И легенды.

— А кто второй русский? — удивилась Ива.

— Да вон! — Фокс указал сигарой в сторону Вернера.

— Слушайте, Эндрю, он это серьёзно? — не поверила Ива.

Вернер чем-то звонко щёлкнул, с довольным видом подбросил на ладони дефектный блок и задвинул на место контрольную панель. Небрежно швырнул блок в сумку с инструментами, уселся на кресло верхом, сложил руки на спинке и опустил на них подбородок. И посмотрел Иве прямо в глаза, да так, что она впала в окончательное замешательство.

— А почему бы и нет? — спросил он.

— А-а... — в очередной раз сказала Ива.

— А фамилия у него такая для маскировки, — объяснил Фокс. — Чтобы не приставали.

— Трепло, — усмехнулся Вернер. — Вы не слушайте Майка, капитан. Фамилия у меня родная. Предки мои были из обрусевших немцев. И жили Вернеры в России начиная с семнадцатого века и вплоть до самой Заварухи. И потом тоже скрещивались только с чистокровными русскими. Так что я русский на сто процентов. Как адмирал Рашен.

— Кстати, у Рашена тоже имя... — заметила Ива.

— Вполне русское, — не согласился Фокс. — Алекс Успен. Чем тебе не нравится?

Вернер не удержался и прыснул.

— Что такое?! — возмутился Фокс. — Какого чёрта сегодня все надо мной издеваются?! Одна ненормальная за яйца хватает, другая за нос, теперь ты ещё...

— Ну ты даешь, Майк, — сказал Вернер. — Адмирала зовут Oleg Uspensky.

— Быть не может, — отмахнулся сигарой Фокс. — Фамилии на «ский» все еврейские. Как у нашего Жан-Поля.

— Могу открыть штатное расписание, — предложила Ива, кладя руку на контакты своего терминала. — Пока Майк и вам нос не сломал. Вы с ним поосторожнее, Эндрю. Он у нас тот ещё задира.

— Ему не сломаешь, — хмыкнул Фокс и снова окутался клубами дыма. — Ну давай, не тяни, делай запрос. На что спорим?

— Не будет запроса, — сказала Ива, глядя на монитор. Левой рукой она выбила дробь на контактах, а правую сунула под пульт и вытащила ботинки.

— Ох, мама! — воскликнул Фокс. — Где моя обувь, вы, астронавты?! Никто не видел мои башмаки?! Куда же я их... — и опрометью выскочил в коридор, чуть не сбив с ног старпома Боровского.

Ива поспешно обувалась. Вернер со спокойной улыбкой смотрел, как на обзорном экране растёт, приближаясь, адмиральский катер.

— О, Жан-Поль! — обрадовался в коридоре Фокс. — Ты ведь еврей?!

— Ну... — хмуро ответил Боровский.

— Фамилии на «ский» все еврейские, ведь так?

— Слышь, ты, поц, — сказал Боровский. — Где твои ботинки?

— Виноват, — пробормотал Фокс и убежал по коридору.

Боровский вошёл в рубку и остановился посередине, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок.

— Бар-р-дак! — прорычал он, ни к кому специально не обращаясь.

Вернер подобрал сумку и встал.

— Контроль отражателей в норме, — доложил он.

— А, — сказал Боровский, как будто только что заметил Вернера. — Здравствуйте, Эндрю. Хоть кто-то здесь в состоянии за что-то отвечать. Ну, и?..

— Видимо, дефектный блок. Сейчас я его протестирую на своей машине и тогда смогу дать полное заключение.

— На диверсию не похоже? — неожиданно спросил Боровский. Ива, услышав это, подпрыгнула в кресле и обернулась.

— Не похоже, — ответил Вернер, ощутило понизив голос. — А что?

— Да так, — Боровский неопределённо шевельнул бровью. — Пришёл снизу меморандум о профилактике возможного саботажа. Это, конечно, совершенно не моё дело, но если бы меня спросили... М-да. Вот я и спрашиваю: не похоже?

— Знаете, командер, — сказал Вернер без тени юмора в голосе, — по-моему, в Адмиралтействе у кого-то поехала крыша. А вы — рады стараться.

— Сам-то когда из психушки вышел?! — окрысился Боровский.

— Да я там, может, и вовсе не был... — пробормотал Вернер обескураженно.

— А я — был, — веско сказал Боровский. — И многому научился. Поэтому я всегда помню, что на «сотках» до полутора тысяч деталей, отказ каждой из которых приводит к потере боеспособности корабля. А ещё я помню, что на «Тушканчике» сто человек экипажа. И все основательно тронутые. Во главе с психологом, которая только что хватала меня за яйца. Спрашивается — что ей стоит отвинтить какую-нибудь елду на оружейной палубе и засунуть себе в...? Может, «Тушканчик» без этой елды и не развалится, но...

— Раз вы такой ответственный, подарите ей вибратор, — посоветовал Вернер.

— Да у неё этих вибраторов два ящика. Ей по штату положено. Не в том дело. Ты пойми меня правильно, Эндрю. Мы с тобой здесь отвечаем за боеспособность. Только мы. Ну, ещё твои пятеро шлимазлов, но с них спросу никакого. А больше никто. Ни Кенди, ни тем более этот толстожопый Фокс. Даже адмирал Рашен ни за что на «Тушканчике» не отвечает. Сломать корабль они все могут, это им только дай. А потом спросят. И с кого? С нас. Понял? Так что давай, шевели мозгами. Тем более ты русский...

Ива смотрела, как причаливает адмиральский катер, слушала бредовый разговор за спиной и качала головой. С Вернером она была не согласна. Крыша ехала не только у чиновников Адмиралтейства. На «Тушканчике» тоже потихоньку дурели все. Не исключая старпома Боровского.

— Слушайте, Жан-Поль, — сказал Вернер. — Я вас понял. Все будет ОК. Только вы не расстраивайтесь так.

— Я даже твоего личного дела не видел, — вдруг сказал Боровский с непонятной тоской в голосе.

— А вам и не положено, — неожиданно жёстко заметил Вернер.

— То-то и оно... — вздохнул старпом. — Дежурный! — рявкнул он себе в воротник, туда, где торчал микрофон. — Не слышу доклада!

— У вас же наушника нет, Жан-Поль, — сказал Вернер тихонько.

Боровский пронзил техника безумным взглядом и принялся хлопать себя по карманам в поисках наушника.

— Возьмите, — Вернер протянул старпому маленькую чёрную фишку. — Это мой резервный.

Боровский что-то промычал, схватил фишку и запихнул её в левое ухо.

— Дежурный! — заорал он.

— Что-нибудь случилось, Жан-Поль? — спросил из коридора глубокий и ровный голос.

Боровский судорожно отпрыгнул с прохода и принял строевую стойку.

— Никак нет! — отрапортовал он.

— Это хорошо, — сказал адмирал Рашен. — Добрый день, Иветта. Zdravstvui, Andrey.

— Zdravstvuite, Oleg Igorevich, — сказал Вернер и почтительно склонил голову.

— Как ты здесь? — спросил Рашен, переходя на французский и протягивая Вернеру руку. — Привыкаешь? Не обижают?

— Его обидишь, — ответил за Вернера Боровский. — Он сам кого хочешь обидит до слёз.

— Всё нормально, драйвер, — улыбнулся Вернер, пожимая крепкую руку адмирала.

— Отражатели починил?

— Да ничего там не было, драйвер. Ерундовая потеря контакта.

— Разберёшь «старика Пола» по винтику и соберёшь. Ясно?

— Да, сэр.

— Коммандер Боровский тебе всё обеспечит.

— Да, сэр! — хором ответили старпом и техник.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— Вопросы?

— Да, сэр, — сказал Вернер. — Командер Боровский обеспокоен тем, что не видел моего личного дела.

— И ничего я не обеспокоен... — пробормотал Боровский, опуская глаза.

— Пусть он лучше обеспокоится тем, что у него по кораблю голые бабы разгуливают, — сказал Рашен.

— Застрелю психопатку... — прошипел Боровский. — Застрелю и в жопу трахну.

Рашен сделал нижней челюстью жующее движение и посмотрел на старпома очень внимательно.

— А может, в обратной последовательности?

— Виноват, сэр, — сказал Боровский, глядя в пол. — Разрешите удалиться?

— Через полчаса зайдёшь ко мне, — приказал Рашен. — И к Линде не суйся. Я с ней уже поговорил. Хватит с неё. Ладно, Andrey, ты работай по своему расписанию, я потом тебя найду. По местам, астронавты. Не развалите тут всё окончательно.

Вернер и Боровский, щёлкнув каблуками, скрылись в коридоре. Рашен подошел к пульту Ивы и устало повалился в кресло слева от неё.

Ива украдкой посмотрела на адмирала. Ей всегда нравилось его волевое и умное лицо. Но теперь под глазами Рашена запали тени. И глаза эти, обычно такие острые, живые, а зачастую даже злые, казались мёртвыми. А седая чёлка и серебристые виски окончательно превратили адмирала в старика. Раньше Иву так и тянуло прикоснуться к Рашену или хотя бы сказать ему что-нибудь хорошее. Но развалина, которая сидела рядом сейчас, не вызывала желаний приласкать её.

— Пожалуйста, вызови Задницу, Иветта, — пробормотал адмирал, потирая ладонью глаза.

— Да, сэр. — Ива набрала команду, быстро переговорила с дежурным «Гордона», и через минуту на мониторе появилась костлявая физиономия контр-адмирала Эссекса.

— Здравствуй, Фил, — сказал Рашен. — Ты мне нужен. Сможешь подвалить часам к семи?

- Один? — спросил Задница.
- Да. Бутылку только возьми и подваливай. Думать будем.
- А может, ты ко мне? Моя охрана у тебя на борту не поместится.
- А ты всех не бери.
- Ну, Алекс, чего тебе стоит...
- Фил, кончай ныть. Ты уже старый хрен, а всё ломаешься, как не знаю что... Я сказал «подваливай», значит, подваливай.
- Сам ты старый хрен. Будет исполнено, сэр, — и Задница дал отбой.
- Всё-таки он действительно Задница, — заключил Рашен. — А представляешь, Иветта, ходили бы мы с тобой сейчас на «Старке». Или на том же «Гордоне». Бассейн — двадцать пять метров! Теннисный корт. Зона психологической разгрузки... Санаторий. То-то Задница вниз не стремится. Ему и так хорошо.
- Наш кораблик самый лучший, — сказала Ива. — И мы тоже классные парни и хорошие астронавты.
- Угу, — кивнул Рашен. — Только кроме нас этого почему-то никто не понимает. Да и сами мы, честно говоря... Слушай, детка, ты мне доложить ничего не хочешь?
- А что докладывать, сэр? — удивилась Ива.
- Воин, службою живущий, читай Устав на сон грядущий, — продекламировал Рашен. — И утром, ото сна восстав, читай внимательно Устав... А я ведь, кажется, целый адмирал...
- Можно вопрос, драйвер? — спросила Ива, игнорируя намёк.
- Хоть дюжину. Но сначала ты мне доложишь, как полагается. Что тебе, жалко? Уважь старика.
- Господин адмирал, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. Дежурный навигатор капитан-лейтенант Кендалл, сэр, — лениво пробубнила Ива. — И ничего вы не старый.
- Я говорю, что старый, значит, старый. Ну, чего тебе?
- Сэр, вам никто ещё не говорил, что через пару месяцев такого бардака мы уже не сможем работать?
- Знаешь, Кенди, ты действительно забыла, что я адмирал.
- Сэр, люди не хотят больше служить. Даже хуже, чем не хотят, — не могут. И деваться им некуда. Я когда в прошлый раз внизу была, так и не рискнула выйти за ворота базы. Просто боюсь, что

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

земляне со мной сделают что-нибудь нехорошее. Вы слышали, одну девочку из десанта изнасиловали и убили?

— Они её потом очень ловко надели на громоотвод, — сказал Рашен. — А на животе у неё было выжжено: «murder». Сам видел. А ты чего хотела? Чтобы её искупали в шампанском? Убийца, он и есть убийца.

— Сэр, я вас не понимаю, — сказала Ива упавшим голосом.

— Говорю же, милая, я всё-таки адмирал.

— Объясните, сэр.

— Я знаю в сто раз больше твоего. И в подробностях. Кроме того, я не только знаю, что происходит, но и догадываюсь, зачем это делается. Нас с тобой, милая, хотят сжить со света. И делают это самым эффективным способом — разлагая флот изнутри. Мы больше не нужны, понимаешь?

— Ох... — выдохнула Ива. — Что же делать, сэр?

— Ждать, — сказал Рашен жёстко. — Сидеть и ждать моего приказа.

— Чует моё сердце, — пробормотала Ива, — что долго мы не высидим.

* * *

— Ну что, Audrey? — спросил Рашен вместо приветствия. — Как себя чувствует наш «Махди»?

— Кто? — удивился Вернер.

— Классику надо знать, — упрекнул Рашен. — Присаживайся.

— Спасибо, — Вернер уселся напротив адмирала и прищурился на него одним глазом, вспоминая. — Махди — это Пол Атридес, да?

— Угу, — Рашен кивнул. — У нашей славной группы F в чести народный фольклор. Набрал я себе помощничков, век бы их не видеть. Искал умных и начитанных, а теперь ловлю себя на мысли, что лучше бы они были тупые и необразованные. Особенно штаб — просто одно расстройство. Что ни день, то какой-нибудь молодой талант берётся тонко пошутить. Скажет пару слов с умным видом и щурится на меня, вот как ты сейчас. А остальные и рады бы засмеяться, да совестно — жалеют старого дурака...

— Oleg Igorevich, с чего вы взяли, что вы старый? — искренне удивился Вернер.

— Ощущение, — сказал Рашен и неопределённо помахал ладонью в воздухе. — Знаешь, после того паскудного случая у Юпитера... Первые дни, когда мы только на базу пришли, я ещё от шока отходил и чувствовал даже подъём какой-то. А после... Устал. Надорвался я, Энди, понимаешь? Вот целых десять лет и живу в надорванном состоянии. Ладно, что там по твоей части? Какие новости?

— Так я вам послал, — Вернер указал подбородком на терминал.

— Да? Что-то не заметил. — Адмирал повернулся к монитору, но руки на контакты положить не успел. Потому что Вернер подался вперед и сунул прямо на контактную доску кусок белой ткани. Рашен опустил глаза и весь сморщился.

Вернер умел писать от руки — именно писать, а не только расписываться. Довольно редкое качество, характерное больше для учёных или представителей малых народов с угасающей культурой. В экипаже «Тушканчика» таких грамотеев было трое. Рашен хорошо писал по-французски и по-русски, Линда вполне сносно выводила английские слова, а Боровский уверял, что свободно пишет на пяти языках, но замечен в этом ни разу не был. В принципе, искусство каллиграфии отмирало. Рисовать буквы руками стало незачем. Учащиеся младших классов на стандартной контактной доске выколачивали до трёхсот знаков в минуту. А техник уровня Вернера — все шестьсот. Но Вернер был русским и умел держать в руках стило. И сейчас написал такое...

— Та-ак, посмотрим, — сказал Рашен, для порядка вывода на монитор докладную о результатах первичного техосмотра корабля. Правой рукой он разгладил белую тряпку, оказавшуюся куском форменной майки. И чем дальше читал печатные буквы, аккуратно выведенные графитным стержнем, тем сильнее морщился.

«Система оповещения — в режиме микрофона, — писал Вернер. — Сигнал идёт вниз постоянно на кодированной волне. Передатчик зашит под обшивку на техпалубе».

Рашен машинально посмотрел на потолок. Динамики системы оповещения стояли по всему кораблю. На какую-то секунду адмиралу стало просто нехорошо: он вдруг ощутил себя до такой степени

голым, будто с него содрали кожу. Пришлось зажмуриться и сосчитать до десяти. А потом открыть глаза и снова читать.

«Блокиратор главного ствола управления огнём, — прочёл Рашен. — Вживлён намертво. Приёмного устройства пока не нашёл».

— Ты блестящий специалист, Andrey, — скорее выдавил из себя, чем сказал, Рашен. — Я очень рад, что взял тебя в экипаж.

— Мастерство не пропёшь, — невесело заметил Вернер. — Вы дальше посмотрите, Oleg Igorevich.

— Куда уж дальше! — усмехнулся Рашен. По главному стволу управления огнём шла большая часть телеметрии орудийной палубы. В том числе и те группы команд, что управляют орудиями с ядерной накачкой. Большими импульсными лазерами, в огненных плевках которых растворяются файтеры и запекаются дестроеры. Если бы у Рашена стояли такие пушки на «Фон Рее» десять лет назад, фиг бы он нырял в Юпитер, изображая подводную лодку.

«Автономная иницилирующая схема аварийного глушения реактора. Приёмника тоже пока не нашёл».

Рашен откинулся в кресле и сложил руки на груди. Это был конец. Флагман группы F больше ему не принадлежал. Достаточно кому-то, по чьей воле в нервную систему корабля вживлены лишние устройства, нажать кнопку — и «Пол Атридес» станет грудой металлолома, не способной толком ни полететь, ни выстрелить. Она сможет только сбросить аварийные модули и приземлить экипаж. А там, внизу, его уж встретят...

Рашен протянул руку, и Вернер вложил в его пальцы кусок графита. Адмирал перевернул тряпку, вывел в уголке вопросительный знак и вернул импровизированные карандаш и бумагу Вернеру.

— По интересующим вас пунктам, — сказал Вернер самым беззаботным тоном, — мне понадобится около месяца. С первым справлюсь за неделю, с остальными двумя придётся думать.

«Если не справлюсь — устроим пожар на техпалубе и поставим аварийный комплект», — написал он и перепаснул тряпку адмиралу.

Реакция адмирала была вполне естественной для астронавта: едва прочитав, он скомкал послание и закинул его в утилизатор. Вернер дернулся было спасти тряпку, но опоздал. Рашен посмотрел на него и покрутил у виска пальцем. Вернер развёл руками.

— М-да, — сказал Рашен. — Ну что ж, Andrey. Работа проделана серьёзная. Надеюсь, с тем, что осталось, ты справишься в заявленные сроки. Должен признаться, я думал, проблем у нас гораздо меньше. Но приятно слышать, что неполадки устранимы без помощи извне.

— У меня же пять человек, — напомнил Вернер. Рашен тут же показал ему кулак, и Эндрю понимающе кивнул.

— Ладно, — сказал Рашен. — Благодарю за службу. Вопросы есть?

— Никак нет, сэр. — Вернер поглядел на потолок, выразительно ткнул пальцем в сторону утилизатора, где скрылась тряпка, и погрозил им адмиралу. Наверное, вопросы остались, но Рашен, едва прочитав о пожаре, испугался. Даже на субмарине пожар менее опасен, чем на космическом судне. От такой идеи не стыдно было и потерять контроль над собой.

Рашен хмыкнул и расстегнул нагрудный клапан спецкостюма, демонстрируя ослепительно белую футболку. Вернер махнул рукой — мол, не надо — и поднялся.

— Разрешите идти?

— Разрешаю заходить в любое время, — сказал адмирал. — И не забудь, старпому Боровскому приказано содействовать тебе в части, его касающейся. Пока, Andrey.

— До свидания, — сказал Вернер, подмигнул и вышел за дверь.

Адмирал повернулся вместе с креслом, набрал команду на замке сейфа, просунул в него руку и схватился за бутылку самогона, как утопающий за спасательный круг.

* * *

Отвергая духовное наследие предков, как не оправдавшее себя и чуть было не погубившее Землю, человечество тем не менее не хоронило старые добрые технические идеи. Поэтому «Тушканчик» был сконструирован по принципу русской матрёшки и мог позволить себе такую роскошь, как искусственная гравитация за счёт раскрутки одной из оболочек. Безусловно, инженеры предпочли бы менее замысловатое решение проблемы. Да и корабль получился ве-

ликоват в поперечном сечении, попросту толст. Гравигенератор, лёгкий и компактный, вписался бы в схему круизера серии 100 как нельзя лучше. Но, увы, управлять гравитацией люди пока не научились. И ходил корабль на традиционной ядерной тяге, и команды из боевой рубки шли не к каким-нибудь заковыристым искривителям пространства, а к банальным импульсным пушкам. Так что единственным революционным новшеством, отличавшим «Тушканчик» от прочих боевых единиц группы F, был фаллический рисунок на дне рекреационного бассейна.

Вращающаяся оболочка корабля в просторечии именовалась «рабочей зоной». Она делилась поперёк на так называемые палубы, где и проходила вся жизнь экипажа. В распоряжении астронавтов всегда имелся чуть заметно вогнутый пол и более явственно выгнутый потолок. Хочешь — прыгай, хочешь — падай, если очень хочешь — лезь на стенку. А вот кувырнуться в невесомости тебе незачем. Чинить силовые коммуникации и пушки, смонтированные в «разгруженной» зоне, ты всё равно не умеешь. На это есть техники, вот им и положено уметь летать. У них даже завелось своё профессиональное заболевание: «синдром лёгчика».

Разумеется, все испытывали кратковременную невесомость по пути от причальных шлюзов до рабочей зоны, но её частично компенсировали электромагниты, присасывая к полу стальные пластины в подошвах форменных ботинок. Вдобавок магнитный пол исправно подбирал из воздуха бесхозные железки. Полная невесомость считалась чересчур коварной штукой, чтобы позволить ей развиваться на военном корабле. В качестве примера Рашен рассказывал байку про то, как лет пятьсот назад русские астронавты искали на своей крохотной станции гаечный ключ, чтобы закрыть крышку переходного отсека и улететь вниз. Ключ был, конечно, на привязи и деться никуда не мог, но взял да испарился. Примерно через сутки астронавты заметили какую-то верёвку, потянули за неё и вытащили ключ из-за заглушки на щите электропитания, поставленной специально, чтобы туда не залетел металлический предмет.

Ещё Рашен вспоминал, как по молодости лет учинил на «Фон Рее» тренировку на невесомость. Конечно, у него хватило ума не тормозить рабочую зону — Рашен просто вывел людей полетать

в центральный ствол. Вернулись астронавты назад все заблёванные, а ствол ещё долго продували сжатым воздухом с дезинфицирующей эмульсией.

Короче говоря, жизнь на «Тушканчике» шла в полном согласии с земной физикой. Именно поэтому на пятый день пребывания в экипаже флагмана лейтенант Вернер умудрился буквально, безо всяких обиняков, свалиться на голову капитан-лейтенанту Кендалл.

По корабельному времени был уже поздний вечер, Ива только что вышла из душевой и направлялась к себе в каюту — розовый халатик на голое тело, голова обмотана полотенцем, взгляд блуждающий, настроение самое что ни на есть благодушное, все рефлексy на нуле. Вдруг сверху раздался натужный скрип, и пока Ива соображала, что бы это могло значить, с потолка градом посыпались болты. Затем по голове несильно ударило лёгкое и пластмассовое. Тут Ива подняла глаза, и в этот момент на неё с неразборчивым французским проклятьем рухнуло восемьдесят кило живого веса.

— Тысяча извинений, капитан, — пробормотал Эндрю, отползая задом на четвереньках. — Даже не знаю, что и сказать. Вы как? Я вас не очень... того?

Ива села, прислонилась к стене и подобрала слетевшее с головы полотенце.

— Отвернись! — приказала она, заново сооружая из полотенца чалму.

— Я не нарочно, — объяснил Эндрю, глядя вверх. — Панель выпала. Какой-то умник очень хорошо её закрепил. Ползу себе, никого не трогаю... Я вас правда не ушиб?

— Ты-то живой? — поинтересовалась Ива.

— Вроде бы. — Эндрю поднялся на ноги и нагнулся к Иве. Он был в лёгкой рабочей куртке с закатанными до локтей рукавами, и Ива увидела на его левом предплечье извилистый белый шрам. Руки у Вернера были не по-мужски изящные, с тонкой кистью и длинными красивыми пальцами. Но поднял он Иву с пола легко, как пушинку.

— Где это тебя угораздило? — спросила она, показывая глазами на шрам. — На «Фон Рее»?

— Да. Только ничего героического. Производственная травма. Ползал по магистрали, вот как сейчас, и зацепился.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— Что же ты его не зарастил?

— Не знаю... Всё-таки память. И девочкам нравится.

— Ага, — кивнула Ива, посмотрела Эндрю в глаза и отвела, опустила взгляд. Вернер не был особенно крупным мужчиной, но сейчас он казался Иве просто огромным. Сильным и надёжным. Он окружал её собой, защищал и все ещё мягко придерживал за плечи. Видно было, что ему нравится так стоять. Вплотную. А глазами он Иву просто ел.

— Я вас правда не ушиб? — в очередной раз спросил Эндрю.

— Правда, — еле слышно сказала Ива, мучаясь вопросом: он её сейчас поцелует или всё-таки постесняется и отложит на потом. Никогда раньше ей не хотелось, чтобы её поцеловал мужчина, с которым она разговаривала второй раз в жизни. Во время отдыха внизу ей случалось по пьяни отдаваться совершенно незнакомым людям, но это все были астронавты, свои парни, чистые душой и телом, как пол на «Тушканчике», разве что не стерильные. А Вернер, хоть и тоже астронавт, «своим» не был. За его спиной притаилась тайна, и его отделял от Ивы невидимый барьер. Перед этим человеком не хотелось обольстительно изогнуться. А хотелось скромно потупить глаза, уронить безвольно руки и надеяться, что ты достаточно хороша, чтобы он лишил тебя невинности. Разумеется, не сейчас. Много после. Но вот хотя бы поцеловать...

Ива встряхнулась, не без труда пришла в себя и снова посмотрела Вернеру в глаза, на этот раз прямо и смело.

— Кто ты? — спросила она.

Эндрю отпустил её и непроизвольно сложил руки на груди.

— Меня зовут Эндрю Вернер, — сказал он с лёгкой усмешкой на губах. — Возраст тридцать шесть, рост сто восемьдесят, вес семьдесят девять. Имею правительственные награды. Очень хороший техник. Очень скромный и застенчивый человек. Даже чересчур застенчивый...

— Это заметно, — подтвердила Ива. — А всё-таки, кто ты? Что ты здесь делаешь?

— Падаю на голову красивым женщинам.

— Не валяй дурака... Энди.

— Но вы действительно очень красивая женщина, капитан. Во всяком случае, на мой вкус.

— Особенно сейчас, — заметила Ива, машинально поправляя на голове полотенце. — Значит, не хочешь отвечать?

— Сожалею, но мне нечего ответить, — сказал Эндрю очень мягко, почти ласково. — Вы меня за кого-то принимаете... За героя какого-то. Из женского романа. А я просто свалился вам на голову. Сначала испугался, а теперь вот... Даже не знаю. Рад, наверное. Я ведь скучал по вас...

— Если не можешь обращаться ко мне на ты, давай перейдём на английский, — предложила Ива. — Или у русских положено сначала выпить на брудершафт?

Вернер откровенно смутился. Получалось у него это обворожительно.

— Я не знаю, что на этот счёт положено у русских, — сказал он. — Но выпить я с вами... с тобой готов в любое время.

— Тебя тормозит, что я старше по званию? — не унималась Ива.

— Тьфу! — Вернер провернулся на каблуках, и когда лицо его снова оказалось у Ивы перед глазами, было оно уже совсем не смущённым, а заразительно улыбалось. — Да ничего меня не тормозит! Я просто с тех пор, как тебя увидел, только о тебе и думаю!

— Молодец! — похвалила Ива, крепко хлопнула Эндрю по плечу и, повернувшись к нему спиной, царственно поплыла по коридору.

Эндрю восхищённо смотрел ей вслед.

* * *

Адъютант контр-адмирала Задницы сгнулся под тяжестью здорового кофра с оборудованием.

— Здравсте! — выдохнул он, роняя кофр на стол. — Всё как заказывали. С горячим приветом от моего патрона.

— Не любит он тебя, Изя, — сказал Рашен. — Не бережёт.

— Это точно, — согласился Изя, откидывая крышку и извлекая из кофра цилиндрический сосуд с бурой жидкостью.

— Посуду на стол, технику в угол, — распорядился Эссекс, возникая на пороге. — Здравствуй, Алекс. Стаканы где?

— Да вот стаканы, не переживай. Изя, ты бы, действительно, убрал со стола этот ящик.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— Минуту, — сказал Изя, запуская руки в кофр и щёлкая рычажками помехопостановщика. — Дайте машину на режим вывести.

— Ой! — Рашен скривился. У него вдруг прихватило зубы и ломануло поясницу. Это Изя что-то у себя в кофре перекрутил. — Полегче!

— Сами-то не умеете... — проворчал Изя, вглядываясь в аппаратуру и недовольно морщась. — Пардон. Эта штука буквально на честном слове держится... Момент.

Эссекс вытер слезящиеся глаза и уселся за стол напротив Рашена.

— Ну? — спросил он недовольно. — Долго ещё терпеть?

— Да сейчас же! — обиделся Изя. — Я вам что, техник? Я вообще в этой электронике ни бум-бум...

— Бум-бум у тебя хорошо получается, — заметил Рашен. — У меня сейчас зубы выпадут.

Изя что-то с усилием провернул в кофре, и затопившее каюту электричество рассосалось. Помехопостановщик вышел на режим.

— Вот, — сказал Изя, доставая круглую чёрную коробочку и протягивая её Рашену. — Вы лучше пока заглушку поставьте.

— Ну, ты обнаглел! — восхитился Рашен, но заглушку взял, отодвинул в сторону бутылку и стаканы и полез на стол. Дотянулся до решётки, под которой прятался динамик громкой связи, и прилепил коробочку к потолку. — Так? — спросил он.

— Левее. Ага, правильно. Спасибо.

— Да не за что. Заходите ещё. — Рашен легко, по-молодому, спрыгнул на пол. — Как детишки, Изя?

— Растут. — Изя вздохнул. — Денег просят. Я говорю, куда вам столько — вы их что, едите? Нет, говорят, мы их в задницу суем...

— А ты чего ждал? — удивился Рашен. — Семья, дружище, это просто фабрика по уничтожению денег...

— Слушайте, вы... евреи! — взорвался Эссекс. — Может, я пойду?! Может, вы без меня обойдётесь?!

— Нет, Фил. К сожалению, без тебя не получится. Ну что, Изя? Можно уже говорить по душам?

— Угу, — Изя кивнул, с демонстративной натугой оторвал кофр от стола и поставил его в угол. — Разрешите идти?

— Брысь отсюда! — рявкнул Эссекс.

— Вы свободны, капитан Мейер, — произнёс Рашен величественно. — Медаль вам пришлют на дом.

— Лучше деньгами, — буркнул Изя и вышел.

— Ну, Алекс, наливай! — скомандовал Эссекс. — Na zdrowie!

— Na zdrowie, — кивнул Рашен.

Несколько минут командование группы F присидело в благоговейном молчании, дегустируя напиток.

— Отрава, — сказал наконец Рашен. — Пойло.

— По-моему, тоже, — согласился Эссекс. — Ну, зачем позвал? И к чему такая секретность?

— Этот корабль мне больше не принадлежит, — заявил Рашен.

— То есть? — насторожился Эссекс.

— Громкая связь работает как микрофон, — объяснил Рашен. — Каждый пук из моего сортира фиксирует какая-то сука внизу.

— Подумаешь! — сказал Эссекс с видимым облегчением. — Открытие! У меня на «Гордоне» то же самое.

— А блокировка реактора у тебя есть?! — спросил Рашен агрессивно. — А отсекабель на стволе управления огнём?! А?!

— Ничего себе... — пробормотал Эссекс. — Вот хреновина... Приёмники нашёл?

— Пока нет. Найду, не беспокойся. Но что нам делать теперь, Фил?

— Наливать и пить, — сказал Эссекс. — Проклятье! Завтра же прикажу своим технарям... Тьфу!

— Вот именно, — кивнул адмирал, разливая «отраву» по стаканам. — Я старшего техника уже поменял. И тебе советую. А до этого — ни-ни.

— Так вот почему ты Фокса не наказал! — догадался Эссекс. — Умно, ничего не скажешь.

— Фокс не в курсе, зачем это было сделано. Он просто жаловался, что Скаччи много себе позволяет. А я говорю: ну и дай ему в рыло. Фокс мне: шутить изволите. А я ему: вовсе нет. Он пошёл — и дал.

— Какие они все у тебя... послушные.

— А куда им деваться? Вниз, что ли? Кому они там нужны?

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— Ну почему же, — возразил Эссекс. — Внизу найдется масса желающих набить им морду. Я слышал, даже гражданским астронавтам иногда достаётся.

— Скачки передо мной на коленях ползал, — Рашен вздохнул и припал к стакану.

— Пусть ему теперь жопу порвут, — Эссекс кровожадно усмехнулся и тоже пригубил «отравы».

— Из чего ты это гонишь, Фил? — спросил Рашен, поднимая стакан и разглядывая напиток на просвет.

— Из чего придётся, — уклончиво ответил Эссекс.

— И это два адмирала, — заключил Рашен.

— Так что делать будем? — спросил Эссекс деловито, подаваясь вперёд и пристально глядя на коллегу. — По-моему, ситуация патовая. Народ против нас, ты это понимаешь? Там внизу бешеная пропаганда за отказ от армии как таковой. У каждого третьего землянина на Марсе и Венере были либо родственники, либо деловые партнёры. И каждому землянину без исключения эта война в копеечку влетела. А они же все — Акционеры, мать их так. Народный капитализм прощал армии любые злодеяния, пока это не обернулось конкретным убытком... Ох, распустят нас, Алекс.

— А что говорят твои аналитики?

— Так и говорят. Даже если Собрание Акционеров не решится развалить армию до основания, конкретно нам — конец. Совет Директоров так вздрючил общественное мнение, что нельзя идти на попятный, надо кого-то ликвидировать. Полицейские силы они не тронут. Пираты, контрабандисты... Но группу F точно распустят. Готовься к отставке, старик.

— Понимаешь, Фил, — сказал Рашен, — я ведь не из принципа упираюсь. Плевал я на эту армию. Я вообще человек не военный. И с моральной точки зрения мы действительно не правы.

— Не скажи. Мы выполняли приказы. И всё. А теперь из нас делают козлов отпущения.

— Погоди, Фил. Сколько народу мы уколошили на Марсе?

— Это не мы, Алекс. Не передёргивай. Это были крашеры и десант. Группа F прижимала корабли сепаратистов к поверхности. И всё. Ну, взорвали мы сколько-то этих посудин, а они разве погу-

лять взлетели? Мы не бомбили. Не жгли. И, кстати, не мы придумали, что Марс и Венера должны отделяться. И не мы придумали, что им этого нельзя...

— Да я вообще о другом, Фил. Вот ты мне скажи — какие у тебя аргументы за то, что армию распускать пока ещё не стоит?

Эссекс плеснул себе «отравы», поднёс стакан к губам и задумался.

— У тебя внизу хоть кто-то есть... — пробормотал он.

— Считай, что нет, — Рашен потупился. — Последний мой диалог с сыном продолжался ровно минуту, и говорил в основном Игорь. Я внизу тоже никому не нужен. Так что скажешь, Фил? Зачем сейчас Земле военно-космические силы?

— Они ей на хрен не сдались, — сказал Эссекс и залпом выпил.

— Вот именно, — кивнул Рашен. — Группа F нужна только тем, кто в ней служит. Потому что им больше деваться некуда. Так думают все три обитаемые планеты Солнечной. Три суверенных государства. Три могущественные фирмы. И они не только думают так, они говорят об этом. Кричат во весь голос. А что мы?

— А что мы? — тупо повторил Эссекс.

— По-моему, и Земле, и Венере, и Марсу группа F нужна позарез, — скромно заметил Рашен. — Десантный и бомбардировочный флот действительно можно списывать, но что касается нас, с нашим опытом боёв в открытом пространстве...

— Да? — оживился Эссекс.

— Фил, не тормози. Кто их будет защищать от внешней угрозы, если не мы?

— От внешней угрозы? — переспросил Эссекс.

— Почему молчит станция на Цербере? — спросил Рашен. — Ты выяснил?

— Разбираемся... — виновато ответил Эссекс. — Телеметрия... Всё такое... Скоро узнаем.

— Пошли туда скаут, Фил.

— Зачем? — искренне удивился Эссекс.

— Чтобы посмотреть, отчего станция молчит.

— Ну, ты сказал! — Эссекс рассмеялся. — Туда два месяца ходу!

А сигнал может появиться завтра, ну послезавтра. Может, там заело что-то.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— И чему там заедать?

— Не знаю, — признался Эссекс. — Там всё просто, как болт. Сверхнадёжно.

— Вот именно, — кивнул Рашен. — Отправь туда скаут, Фил. Желательно — «Рипли». Завтра же. И пусть до Цербера ходу будет не два месяца, а три недели максимум.

— Деньги же, Алекс... — До Эссекса постепенно начало доходить, что Рашен не шутит. — Из каких фондов я это оплачу? За три недели до Цербера... Это бустер понадобится от «Гордона», чтобы так разогнать...

— Сколько осталось до Собрания Акционеров? Три месяца, Фил. Вот и считай — три недели туда, столько же на разведку. И месяц убеждать идиотов внизу, что станцию уничтожили чужаки. А бустер я оплачу, раз ты такой жадный. Из резервного фонда.

Некоторое время Эссекс выпученными глазами вглядывался в лицо Рашена.

— Алекс, ты с ума сошёл? — спросил он с надеждой в голосе.

— Хотелось бы, — ответил Рашен серьёзно.

* * *

Скаут «Рипли» был маленькой юркой посудинкой, семьдесят процентов которой занимала ходовая часть, а ещё двадцать — оптические и радарные сканеры. Экипаж насчитывал пять человек, и в полёт они надевали громоздкие противоперегрузочные скафандры, оборудованные системами кормления, водоснабжения и канализации. Скаут ходил с такими ускорениями, при которых у человека в обычном спецкостюме просто вытекли бы глаза. Жить месяцами в скафандрах нелегко, но зато скаут прошёл две войны без единой пробоины. Целиться в него ещё получалось, а попадать — нет.

Интерьер скаута пронизывал спартанский дух, если не сказать хуже. Самой роскошной деталью внутреннего убранства «Рипли» был унитаз для невесомости с привязными ремнями.

На клапане унитаза кто-то нацарапал «НЕ СРАТЬ».

— Это зачем? — спросил Рашен, повисая над унитазом головой вниз.

— Шутка, — объяснил командер Файн. — Мы им так ни разу и не пользовались. Времени не было. Воевали.

— Ладно, — сказал Рашен. — Будем считать, что порчи казённого оборудования я не заметил. Слушайте, Эйб. Видите, я сам пришёл... — Он замолк в лёгком замешательстве.

— Вижу, — кивнул Файн. — Ну и как вам тут, сэр? Не жмёт?

— Зато когда в эту блоху последний раз попали? — хитро прищурился Рашен.

— Стрелять не умеют, — парировал Файн. Он ходил на скаутах пятнадцатый год и каждый сезон подавал кляузные рапорты: мол, Задница не дает ему продвигаться по службе. Рашен пересылал жалобы Эссексу, а тот их с удовольствием читал и спускал в утилизатор. На самом деле Файна «задвигал» Рашен. Эбрахам Файн был прирождённым разведчиком, сам это хорошо понимал, гордился своей квалификацией и жаловался только из личной вредности. Кроме того, когда ты ценный специалист, то чем больше возникаешь, тем скорее тебе затыкают рот внеочередным поощрением.

— Хорошо, — Рашен кивнул. — Будем надеяться, что если кто-то сейчас болтается вокруг Цербера и поджидает вас, Эйб... Будем надеяться, он тоже плохо стреляет.

— Так, — сказал Файн. — Интересно. Значит, обследование станции — это лажа. Я так и думал.

— Что вы думали, Эйб?

— Виноват, сэр.

— Да нет, продолжайте. Серьёзно.

— Ну... Её ведь кто-то подбил, да? Там полный автомат, ломаться нечему. Значит, по станции отстрелялись. Да, сэр?

— Как вы полагаете, Эйб, кто это мог быть?

— Ну, сэр... Вообще-то это не моё дело. У Задницы... Пардон, у его превосходительства контр-адмирала Эссекса громадный штаб. Сотня бездельников. Вот пусть они и предполагают. А наша задача — смотреть, всё обнюхать и доложить.

— Эйб, кончайте вы свои еврейские штучки.

— Сэр, ну вы подумайте — я вам сейчас расскажу, кому, на мой взгляд, станция мешала, а вы меня того... Вниз.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

Рашен пнул ногой унитаз, перелетел через рубку и, ухватившись за одно из кресел, завис перед обзорным экраном.

— Чужие? — спросил он.

— Разумеется, — сказал Файн ему в спину. — Подшибли станцию и ждут ремонтников. Хотят взять «языка».

— Очень уж по-человечески.

— А почему нет? — спросил Файн. — В любом случае больше напасть на станцию некому. Вся зона внутри орбиты Сатурна под контролем. Если контрабандисты высунулись из Пояса на разведку — полиция бы заметила. И они до Цербера всё равно не доползут. Да и зачем им?

— Незачем. Они сидят в Поясе и тащат оттуда сырьё на Венеру и Марс. И полиция наступает им на пятки. Значит, чужие?

— Точно чужие, сэр.

— Как вы легко об этом говорите, Эйб...

— Я?! — возмутился Файн. — Да я, можно сказать, был первый, кто рот открыл. И первый, кто за такие разговорчики огрёл по шее. А Задница...

— Так вы поняли задачу, Эйб? — перебил Рашен.

— Да, сэр, — ответил Файн хмуро.

— Я думаю, там никого не окажется. Но вы на станцию глядите в последнюю очередь. Только когда убедитесь, что пространство чисто. Тогда оцените характер повреждений, сбросьте мне информацию по дальней связи, и тут же назад.

— Нереально засечь чужака нашими средствами, — проворчал Файн. — Если они добрались до Солнечной, я таки представляю, на чём они ходят. И если они уконтрапунили станцию, я таки могу вообразить, из чего они стреляют.

— Что, есть идеи? — спросил Рашен, оборачиваясь.

— Идеи пусть Задница генерирует, — ответил Файн. — Своей задницей... виноват, хотел сказать, своим штабом. Заодно пусть выдумает, что нам делать, когда группу F распустят.

— Если найдёте убедительные следы чужих, группу F не распустят, — заметил Рашен.

— Нет уж, — Файн помотал головой. — Не такой ценой. Я лучше в ассенизаторы устроюсь. Буду говно откачивать, брящая орденами...

— Вот это верно, — кивнул Рашен. — Это сказал боевой офицер. Вы молодец, Эйб. Так пойдёте к Церберу? Нет возражений?

— Так точно, пойдём, сэр! — отчеканил Файн.

— В штабе сейчас готовят обобщённую справку по всем необъяснённым явлениям, которые наблюдались за последние годы. Успеете ознакомиться до старта. Прикиньте стратегию поиска. Тут я вам не советчик.

— Да я всё знаю, сэр, — улыбнулся Файн. — Вы забыли, наверное, а я вам ещё сто лет назад говорил, ну, после истории со «Скайюкером», что в Солнечной от чужих скоро будет не продохнуть... В разведке многие собирают данные о чужих. Неофициально, конечно. Начальство об этом и слышать не хочет.

— А я хочу, — сказал Рашен. — И хочу услышать о чужих именно от вас, Эйб. Вернитесь и расскажите мне, что их не было и нет.

— Они есть, сэр. Просто у них пока руки до нас не доходили.

— Хорошо бы при нашей жизни не дошли.

— Это вы зря, сэр, — не согласился Файн.

— Почему? — Рашен вопросительно поднял брови.

— Очень скоро в Солнечной не останется боевых кораблей. И что, нас возьмут без единого выстрела? А мы вроде присягу давали...

Рашен с усилием потёр глаза.

— Несчастные мы люди... — пробормотал он.

— Это точно, сэр, — кивнул Файн.

* * *

Обычно бустер-разгонник пристёгивается к кораблю на специальных захватах. Но в случае с «Рипли» это выглядело наоборот: крошечное судёнышко прилепили к громадной бочке. И нажали кнопки. Бустер секунду повисел как бы в раздумье, потом выплеснул из хвостовой части сноп пламени и рванул себя в пространство с такой силой, что у командера Файна глаза на лоб полезли. В этом положении им теперь суждено было оставаться до самого Пояса, где бустер должен, исчерпав себя, пинком сбросить «Рипли» и отдаться в стальные лапы буксировщиков.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— Что-то у него выхлоп нестабильный, — заметил Вернер, глядя через плечо Рашена на обзорный экран. — Или мне кажется?

— Нормальный выхлоп, — проворчал Боровский. — Сейчас у всех такой. Поизносились кораблики. У нас в шестом отражателе здоровая дырка, а кто её теперь залатает? Да никто. У главной пушки три импульса до капремонта осталось, и кто его будет делать? В бассейне здоровенный поц нарисован, тоже мне называется — военный корабль...

— Ты хоть узнал, кто автор? — спросил Рашен, глядя вслед уходящему бустеру, от которого на экране осталась уже крошечная точка.

— Какой-то поц, кто ещё...

— Кончай ныть.

— Да, сэр. Разрешите обратиться? Слушайте, драйвер, можно, я в этот раз вниз не поеду? Тут поработаю.

— Нельзя.

— Прокладки нужно менять в главном шлюзе. Я бы лично проконтролировал...

— Нельзя, — повторил Рашен устало. — Я тебя понимаю, Жан-Поль. Никто вниз не хочет. Но есть такой порядок. Разумный порядок. От космоса надо отдыхать. Так что будь другом, не расстраивай меня.

Боровский тяжело вздохнул и ссутулился.

— Насчёт замены прокладок Энди проследит, — сказал Рашен. — Всё будет ОК. Правда, Andrey?

— Конечно, драйвер. Никаких проблем.

Боровский снова вздохнул, на этот раз совсем уж душераздирающе, и прищурился на исчезающую в пустоте точку.

— Бедный Абрам, — сказал он. — Это, конечно, совершенно не моё дело, но... Ох, не хотел бы я сейчас оказаться на его месте.

— А ты бы и не смог, — усмехнулся Рашен. — Ты даже в спецкостюме десять «же» еле-еле держишь. А Файн сейчас идёт на двадцати. Вернётся живой — возьму начальником разведки. Пора мужику отдохнуть как следует. Будешь с ним летать, Жан-Поль?

— А он согласится? — усомнился Боровский.

— Ну, тогда Медаль За Наглость, — Рашен пожал плечами. — Уж от медали он точно не откажется. Ему только дай. Интересно,

что он с ними делает. Набрал этого железа уже килограммов десять.

— У него медалями дети играют. Я сам видел.

— Трое, да?

— Ну.

— И что у вас за манера такая — плодиться, как... не знаю что?

— Так ведь били нас! — гордо сказал Боровский.

— Били — не добили. То ли дело нас — бац, и нету, — Рашен невесело хохотнул. Он все ещё стоял к Вернеру и Боровскому спиной, у самого экрана.

— А сколько вас осталось? — спросил Боровский. — Миллион?

— Да что ты... От силы пятьсот тысяч. Ну, не считая полукровок.

— Вас теперь спасут только межнациональные браки, — авторитетно заявил Боровский. — Не понимаю, чего вы так за чистоту породы цепляетесь? Вымрете!

Рашен молчал.

— Тараканы, крысы, голуби и одуванчики, — ответил за него Вернер. — Вот кто не вымер и не вымрет.

— Люди тоже как-то приспособились, — заметил Боровский.

— Не все. Мы очень усталая нация, Жан-Поль. И у нас нет комплекса богоизбранного народа. Стимулов не осталось размножаться, понимаете? Надоело. Сколько можно, в конце концов, заслонять собой Европу то от монголо-татар, то от арабов, то от китайцев...

— Что-то вы её не шибко от арабов заслонили. Арабов-то мы как раз уделали.

— И ни фига не вы, — вступил Рашен. — Арабов мочили немцы и французы. Китайцев долбали всем миром. А вы, жида пархатые, с этого дела купонов настригли. Сколько ваших в Совет Директоров пролезло, а?

— А где теперь государство Израиль? — парировал Боровский.

— Там же, где и Россия, — Вернер невесело усмехнулся. — Но вас почему-то стало много, а русских — наоборот.

— Сами виноваты. Могли бы снюхаться с китайцами и поделить мир. Или, наоборот, в НАТО вступили бы.

— Да не успели мы! — раздражённо сказал Рашен. — В России только-только перед самой Заварухой нормальная жизнь налади-

лась. И тут — на тебе... Знаешь, Жан-Поль, был такой народ — украинцы. И был замечательный анекдот, как украинец поймал золотую рыбку. Она ему: проси, чего хочешь. Три желания. А он говорит: хочу, чтобы Турция напала на Швецию. А потом, чтобы Швеция напала на Турцию. И ещё раз Турция на Швецию. Рыбка спрашивает: да на хрен это тебе? А украинец отвечает: уж больно здорово, как они через Москву будут бегать туда-сюда...

— Пророческий анекдотец оказался, — заметил Вернер.

— Не то слово, Энди. А ведь действительно, вся планета спала и видела, как бы от нас избавиться. Очень уж Россия была неудобное государство. Тоже в своем роде Израиль, только большой и с атомными бомбами. И вот нас не стало. А что толку? Пустыня. Говорят, правда, живы какие-то племена на побережье Северного Ледовитого океана. Мутируют потихоньку. Идолам поклоняются, кретины.

— Что ж они там едят? — удивился Боровский.

— Друг друга.

— Тяжёлый случай.

— Не знаю, — Рашен повернулся к собеседникам и усмехнулся одной стороной рта. — У меня от прадеда дневник остался. Настоящий, на бумаге. И там блестяще описано, как они в Париже крыс на вертеле жарили. Когда всех голубей слопали. Это что — жизнь? Которое поколение на Земле ест досыта? Пятое? Шестое?

— Допустим, на Марсе и Венере тоже народ не шоколадом объедается, — ввернул Боровский. — Такую же синтетику жрут, что и мы.

— Это ты к чему? — не понял Рашен.

— Я к тому, что воевать в принципе нехорошо.

— Ты бы это верующим сказал. Лет сто назад, а лучше все пятьсот. Всяким религиозным фанатикам.

— Простите, драйвер, а вы всерьёз считаете, что без религий лучше?

— Религия — опиум для народа, — отрезал Рашен. — Костыли для нравственно безногих. И мощный способ зомбирования.

Боровский закусил губу.

— Есть у нас такая поговорка: заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибёт, — поддержал Вернер. — Вот и расшибли.

— Был ещё такой умник — папа римский, — вспомнил Рашен.

— Злые вы, — сказал Боровский. — Одно слово — русские.

— «Синагога, бесплодная и бесполезная, найдёт приют стране неверных...» — процитировал Нострадамуса Рашен. — Ну что, Жан-Поль, обрезала вам крылья дочь Вавилона, а?

— Как бы теперь нас всех не ошипали, — сообщил Боровский зловеще. — Кругом засада. Либо Абрам на чужих наткнётся, либо Собрание Акционеро́в флот разгонит. От чужих-то, может, ещё отобьёмся...

— Не надо про чужих, — попросил Рашен. — Не отобьёмся мы.

— Ну да! — возмутился Боровский. — Как это?! Или мы уже не группа F? Не бригада Attack Force?

— Мы банда психопатов, Жан-Поль. И в бассейне у нас lui нарисован. Что тебе известно о чужих? Что на них теория относительности не распространяется, ты в курсе? Что они экранируются почти идеально... А как они Плутон выпотрошили?!

— Дался вам этот член в бассейне... — пробормотал Боровский. — Как будто его на двери у вас нарисовали...

— Знаешь... — Рашен машинально посмотрел на динамик громкой связи и весь передёрнулся. Он никак не мог забыть, что система оповещения целый год ловила каждое его слово. Вернер не стал полностью лишать динамики их шпионских функций, он только обезопасил каюты старших офицеров и отсеки управления. Теперь здесь можно было говорить свободно, но Рашен всё не мог отделаться от мысли, что ему плюнули в душу.

— Знаешь... — повторил Рашен. — Когда эти гады снизу начали разлагать войска, я им сначала подыгрывал. Думал, что взвинченная и задёрганная армия в случае чего скорее меня послушает, чем Адмиралтейство. Какое-то время это и было так. А теперь... Даже не знаю. Страшный бардак на кораблях. Чудовищный. Теряем боеспособность не по дням, а по часам. Нам сейчас война нужна позарез, Жан-Поль. С кем угодно, лишь бы делом заняться. Только вот чужие... Слабоваты мы против них.

— Ну давайте тогда Землю на уши поставим, — предложил Боровский. — Бомбанём разок для острастки... Разве плохо, если вы станете Председателем Правления?

— А Задница — Генеральным Директором! — рассмеялся Вернер.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— Задница на всё готов, — заметил Рашен без тени улыбки. — Он вниз год не спускался. Бойтся.

— Так я и говорю, — кивнул Боровский. — Захватим власть, запредим монополии, построим демократию, нарастим мощный флот, чужих распатроним. Пиратов и контрабандистов прижмём. И заживём по-людски. Тем более что с Марсом и Венерой отношения уже налажены. Их, главное, не пугать больше.

— Как всё просто... — сказал Рашен с непонятной интонацией. — Как всё просто, оказывается.

— А может, действительно всё просто? — осторожно спросил Вернер.

— Я тут спросил Задницу, сколько мы народу ухлопали, — вспомнил Рашен, — а он кивает на крашеры и десант. Как будто группа F всю войну металлолом возила. Господа, вы готовы снова убивать? И не каких-нибудь чужих, а самых что ни на есть своих, а? Убивать просто за то, что они могут оказаться несогласны с нами...

— Да бросьте вы эти русские штуки! — посоветовал Боровский. — Военный вы или нет?

— Не получился из меня настоящий военный, — Рашен горько вздохнул. — Как я был навигатор, так им в душе и остался.

— А зря.

— На себя посмотри, тоже мне массовый убийца. Вниз боишься ехать, прокладки у тебя, видите ли...

— Короче говоря, — заключил Боровский, — вы ещё ничего не решили.

— Не волнуйся, — сказал Рашен. — Когда время придёт, я быстро решу. Всё равно нам идти на профилактику через месяц.

— Ага! А если «Тушканчику» пушки отвинтят? В целях профилактики, так сказать?!

— Не отвинтят. Мы ещё летаем.

— Хорошо бы! — бросил Боровский с вызовом.

* * *

По корабельному времени стояла глубокая ночь, когда тишину разорвали колокола громкого боя. «Тушканчик» вздрогнул: реактор выбросил энергию в накопители. И от этого толчка проснулисьсь

даже те, кого сигнал «к бою» едва-едва заставил разлепить глаза. Потому что круизер изготовился к стрельбе.

Ива влетела в боевую рубку второй, сразу после Фокса. Бомбардир уже сидел в кресле и одной рукой тянул на себя ремни, а другой нервными резкими движениями оглаживал свою контактную доску, выводя пушки на режим поиска.

— Что?! — крикнула Ива, прыгая на место, врубая одним движением всю ходовую автоматику и впиваясь глазами в монитор. — Где?!

— DN! — выплюнул Фокс. — NES! Бля! — теперь он уже терзал доску обеими руками. Корабль мелко завибрировал — главный лазер вышел на режим. С тихим шипением задраились люки в переборках.

— Боевая! — рявкнул в динамиках голос Рашена.

— NES! — отрапортовал Фокс. На боевом языке это значило «по enemy spotted». Брошенное им раньше DN было его собственным изобретением и расшифровывалось как «I don't know».

— RM, — добавила Ива свое уставное «ready to move». Добавила с ленцой в голосе. До неё вдруг дошло, что пустует кресло старпома. Значит, Боровский вместе с Рашеном смотрит на монитор контроля готовности и чешет в затылке, отмечая, кто опоздал. — Это учебная, Майк, — сказала Ива. — Расслабься.

— Учебная тревога. Полная готовность две минуты тридцать одна секунда, — сообщил Рашен. — Всем отбой. Ну и что мне теперь с вами делать, астронавты?

— Быть такого не может! — выдохнул Фокс, невольно поднимая глаза к динамику. — Сколько-сколько времени?

— Все слышали? — спросил Рашен. — Две тридцать одна. Молодцы. До команды оставаться на местах. Сейчас мы вас обойдём и послушаем, какие вопросы. Ждите.

— Ф-фух! Ой... — Фокс поник в кресле и сжал руками виски. Ива откинулась на высокую спинку и принялась глубоко вдыхать и выдыхать, надеясь, что возбуждение рассосётся само, не заставляя члены мелко трястись.

«Тушканчик» несколько раз конвульсивно содрогнулся, будто у него тоже схватило голову.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— У «старика Пола» тоже отходняк, — заметил Фокс, доставая болеутолитель. — Хочешь таблеточку, Кенди?

— Нет, спасибо. А который час? — спросила Ива, отстёгивая ремни. Спыхватившись, она посмотрела на вмонтированный в манжет спецкостюма циферблат. — Ого, почти четыре уже... Слушай, Майк, как это может быть, а? Мы же рекорд флота на полминуты улучшили.

— На двадцать девять секунд, — невнятно уточнил Фокс с набитым ртом, тоже высвобождаясь из ремней. — Да, накликал Рашен проблему себе на голову. Нас ведь теперь поощрять надо. А ты помнишь, когда последняя учебная была?

— Не-а.

— Вот именно. А я тебе скажу — не было учебных тревог с самого конца последней кампании. Год уже. Потому что, как только всё улеглось, Совет Директоров поставил вопрос о роспуске флота. А кому нужна учебная на корабле, который скоро по гайкам растащат?

— Ну и что? — спросила Ива, ослабляя застёжки спецкостюма.

Она была одета по полной форме, включая трёхслойное бельё. Сказались месяцы тренировок, когда действия по тревоге доводились до полного автоматизма. Первый раз Ива надела спецкостюм в шестнадцать лет. А первую боевую награду получила в двадцать.

— Ты о чём?

— А ты о чём?

— Сам не знаю. Какой-то я дёрганный стал, — пожаловался Фокс. — Ты не заметила?

— Майк, ты был прекрасен, как всегда. Ты работаешь — это фантастика. У тебя настоящий талант.

Фокс довольно хрюкнул и потянул из кармана огрызок сигары.

— Эй! — возмутилась Ива.

Фокс посмотрел на зажатый в руке окурок и быстро убрал его обратно. Случаи курения на борту даже не рассматривались дисциплинарным уставом ввиду их полного безумия.

— Виноват. Ты посоветовала расслабиться, вот я и...

— Сейчас Рашен придёт, он тебе расслабится, — пообещала Ива.

— Салага, — бросил Фокс через плечо. — Курсант Кендалл, снять штаны, предъявить наличие трусов.

— У меня-то они как раз в наличии. А ты уже без смазки в костюме не влезаешь.

— Угу, — вздохнул Фокс. — Я так полагаю, это у меня на нервной почве.

— А ты не переживай, — посоветовала Ива. — Поедем вниз, зайдём в кабак, выпьем, станцуем, найдёшь себе девчонку по вкусу — снимет все твои нервы как рукой.

— Не хочу я вниз, — сказал Фокс упавшим голосом. — Мы же опять в город не выйдем, проторчим на базе весь срок.

— А на базе — что, гульнуть негде?

— Меня раздражает эта толпа у ворот. Я всё время помню о том, что она есть, понимаешь, Кенди? А кто в толпе? Простые люди. Нормальные люди. Добрые в принципе люди, вот в чём проблема. Не злые. Стоят и держат плакаты: «Валите, убийцы, в свой космос!» Отсюда их тоже можно разглядеть, но для этого придётся настроить оптику. Да и не буду я вниз смотреть отсюда, больно мне это надо...

Фокс не успел закончить свою пространную жалобу, потому что люк ушёл в стену, и в боевой рубке появился Рашен с мобильным терминалом в руке. Астронавты вскочили.

— Вольно, вольно, — разрешил адмирал. — Значит, так. Майк, ты был на месте в две одиннадцать, а ты, Иветта, в две восемнадцать. Блестящий результат. Вопросы, жалобы, предложения?

— Никак нет! — хором отозвались Фокс и Ива.

— Я не стану вас благодарить от лица командования, дамы и господа, — сказал Рашен, — поскольку командованию на ваши успехи наплевать. А вот от себя лично... Будем внизу — бутылку поставлю. Всё, глушите технику — и по койкам. Лишний час сегодня можете валяться. И спасибо ещё раз за службу. Молодцы.

— А кто первый успел? — спросил Фокс.

Адмирал уже повернулся к выходу из рубки.

— Лучший результат у техников, — бросил он через плечо.

— Ни фиги себе! — изумился Фокс. — Им же дальше всех бежать!

— Вот именно, — Рашен кивнул и вышел.

— У Энди тоже к работе талант, — сказал Фокс. — Как и у меня.

— А у меня? — приторно обиделась Ива.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— А у тебя глаза очень красивые и попка аппетитная, — утешил её бомбардир.

— Жопа ты, Майк, — усмехнулась Ива, отрубая питание ходовой части. — Не веришь ты, что женщина может чего-то в жизни добиться, занять достойное место...

— Место женщины — в сердце мужчины, — сказал Фокс, доставая свой окурочок. — А если женщина такая дрянь, что её никто не любит, тогда она начинает кричать о половой дискриминации.

— А если женщина сама никого не любит? — спросила Ива, потягиваясь.

— Значит, время её не пришло, — объяснил Фокс с такой серьёзностью, что Ива расхохоталась.

— Пошли... философ, — сказала она и шагнула через порог. Фокс воткнул окурочок в угол рта и последовал за ней.

По рабочей зоне сновал оживлённый народ. Легко было заметить, что впервые за очень большой срок астронавты почувствовали себя комфортно. Глаза у всех горели, люди бурно жестикулировали и говорили куда громче, чем это было нужно. Ива и Фокс отвечали на приветствия, довольно раскланивались, и их тоже постепенно охватило радостное возбуждение.

— Фиг заснём теперь, — заметил Фокс. — Боевая эйфория в чистом виде. Эх, и стрельнул бы я сейчас! На поражение! А ты бы сейчас порулила, а, сестрёнка?

— Да я бы и стрельнула, — отозвалась Ива. — Так ведь не дашь.

— Не положено. Мужское дело стрелять, женское рулить.

— Кто там говорил о половой дискриминации?

Теперь рассмеялся Фокс.

На входе в жилую зону они столкнулись с парой взмыленных техников, волочивших по коридору какой-то громоздкий аппарат. На вопрос Фокса, что стряслось, техники нервно хохотнули и скрылись за углом. Ива проводила их взглядом и вдруг почувствовала лёгкую тоску разочарования. Она поймала себя на том, что была бы очень рада, окажись одним из техников Вернер.

— А зачем вообще это всё было? — спросил её Фокс, когда Ива остановилась у двери каюты.

— Ты про что? — удивилась Ива, задумавшись о своём.

— Какого хрена Рашен устроил тревогу именно сейчас? Мы скоро на профилактику встаём. Ну и учинил бы нам встряску под занавес, чтобы службу не забывали. А сегодня... Может, войнушка наклёвывается? Ты же знаешь, у Рашена на такие штуки феноменальный нюх.

— Да по мне, хоть война, лишь бы вниз не ехать, — неожиданно для себя выпалила Ива. Смущённо посмотрела на обалдевшего Фокса, пробормотала: — Ну, пока, — и скрылась в каюте.

— А пойду-ка я потренируюсь, — сказал Фокс себе под нос и повернул в сторону оружейной палубы.

* * *

В душевой шумно плескалась сменившаяся навигационная вахта, она же третья, она же «вахта Кендалл».

Стараясь не смотреть вниз, откуда просвечивал красным двухметровый фаллос, Ива несколько раз перенырнула бассейн. Выгребла на середину, улеглась, раскинув руки, на спину и замерла в неподвижности и блаженстве. Насыщенная лечебными солями вода была гораздо плотнее обычной и легко держала на поверхности стройное тело девушки. Ива закрыла глаза и постаралась, согласно инструкции, задуматься о приятном и необременительном. Почему-то ей сразу пришло на ум, как здорово шпарить на полной тяге, слушая командные завывания из динамика и треск «доски» под руками Фокса. Наблюдая прямо по курсу огненные шары разрывов. Мягко оглаживая контакты и чувствуя, как малейшее твоё движение отдаётся в послушном организме корабля...

— Тысяча извинений, капитан! — раздался с бортика молодой звонкий голос. — Не беспокойтесь, я к вам спиной... Тут идея одна у парней, а я вроде парламентёра...

— Что такое, Кристоф? — спросила Ива, лениво открывая глаза.

— Есть предложение в свободное время ходовые учения смоделировать... Завтра вечером. Только не как обычно, а в два корабля. Бросок через Пояс, гонка чисто на скорость, наша вахта против ребят Фальцфейн. Госпожа Фальцфейн вроде не против, но у неё какие-то личные дела, а нам желательно, чтобы опытный посредник

наблюдал. Арбитр. Может, вы посмотрите? Мы в ускоренном режиме, за час управимся...

— Прямо взрыв энтузиазма, — усмехнулась Ива. — Соскучились по работе, балбесы?

— Хочется! — не без вызова сказал Кристоф.

— Ладно, согласна. Только предупредите меня за часок. Всё?

— Да нет... Понимаете, капитан, мы в библиотеке сядем, нам бы туда бросить линк от ходового процессора. Чтобы было по правде.

— Ага. И я, значит, должна идти к техникам договариваться.

— Ну... В общем, хорошо бы.

— А почему бы тебе самому не подойти к старшему технику и не сказать, что я в курсе и всё под мою ответственность?

— Ну... — Кристоф замялся. Слышно было, как он на мокром бортике переминается с ноги на ногу.

— Очень ты стеснительный, Кристоф. К человеку подойти боишься, ко мне вот спиной встал...

— Я к вам спиной, чтобы не мешать, — объяснил Кристоф. — А лейтенант Вернер, он такой... Ну, мы его совсем не знаем ещё. И потом, он всё время где-то в центральном стволе. Как я его вызову? Кто я ему?

Забыв, где она, Ива перевернулась на бок, мгновенно ушла под воду и чуть не захлебнулась. Отплёвываясь, она подплыла к бортику, ухватилась за поручень и, отбросив волосы со лба, посмотрела снизу вверх на смущённого Кристофа. Тот действительно стоял к бассейну спиной. Ива про себя отметила, какая у мальчишки рельефная мускулатура, и с тоской подумала, что в тренажёрном зале не была минимум полгода.

— Ты же вроде тоже лейтенант, Кристоф, — сказала она, выбираваясь на борт и усаживаясь, свесив ноги в воду.

— Я чайник второго класса. А он мастер и боец. Да, я стесняюсь. Извините.

— С чего ты взял, что Вернер такой уж боец? — пробормотала Ива, разглядывая свой шрам под грудью. Боевые шрамы астронавты не заращивали. Носили их как медали. Ива вспомнила белую рваную полосу на предплечье Вернера и подумала, что «полз и зацепился» — враньё.

— Он же тонул на «Фон Рее». Потом на «Декарде» горел. С адмиралом он запросто... По имени. И ребята говорят, его из экипажа «Горбовски» в самый последний момент вывели. Вроде бы Рашен попросил.

— Ладно, — вздохнула Ива. — Во сколько вы завтра?..

— В девятнадцать бортового. Если, конечно, будет линк. Потому что на обычных процессорах это несерьёзно, сами понимаете, капитан. Вы извините, но больше попросить некого... А хотелось бы погонять по-боевому.

— Будет тебе линк, Кристоф, — сказала Ива, поднимаясь на ноги. — Будет тебе полноценная боевая модель. Это ты хорошо придумал, молодец. Значит, найдёшь меня завтра в восемнадцать. — Она хлопнула Кристофа по плечу и пошла в сторону душевой, но на полпути обернулась.

Кристоф поспешно опустил глаза, но успел охватить Иву взглядом с ног до головы. Воздух в зале был прохладный, и небольшая грудь Ивы с торчащими в стороны и вверх сосками, крепкие стройные ноги в капельках воды, прямые сильные плечи — всё это гладкое упругое тело было сейчас чуть напряжено и выглядело отлитым из металла. Кристоф медленно залился краской. Иве захотелось рассмеяться. Очень уж мальчик не умел скрывать эмоции.

— Совсем забыла, — сказала Ива. — Кто от нашей вахты будет за старшего навигатора?

— Я... — выдохнул Кристоф, глядя в пол.

— Отлично. Так вот, лейтенант. Ты, конечно, ещё не мастер, но задатки у тебя приличные. Лет через десять и к тебе адмиралы будут обращаться по имени. Я это вот о чём. Если ты после всех моих трудов не обгонишь вахту Фальцфейн...

— Мы их сделаем! — поспешно заявил Кристоф.

— ...то я тебя сама погоняю, — заключила Ива. Повернулась и ушла в душевую.

Кристоф проводил её безумным взглядом, оттянул плавки, с тихим стоном высвободил напряжённый до боли член и принялся гладить себя. Он ничего не мог поделать: у него перед глазами мучительным наваждением стояли капельки воды на кудрявых золо-

тистых волосах, и за то, чтобы припасть к этим волосам губами, лейтенант готов был отдать всё на свете. А уж проникнуть туда, под это сверкающее золото, в сокровенную глубину прекрасного молодого тела...

Из душевой высунулся один из младших навигаторов вахты Кендалл и тут же нырнул обратно.

— Наш Кристоф совсем от любви рехнулся, — объявил он. — Стоит там и дрожит.

— Подумаешь... — сказали ему. — Все такие. Ты её, что ли, не хочешь?

— Да я её обожаю! Но не до такой же степени, трам-тарарам. Это даже как-то неприлично.

— А мне вот интересно, он с горя дрожит или на радостях?

— В смысле?

— В смысле, поговорит она с Вернером или как? Что толку гоняться на обычных компьютерах, баловство одно, имитация. Вот если действительно на нас будет работать ходовой процессор...

— Да не бойся ты. Все ОК. Она на этого Вернера запала. Точно говорю.

— Получается, мы ей даже подыграли?

— А то! По-моему, мы после этого отличные ребята. Вилли, нальёшь коллегам по стакану за успех капитан-лейтенанта Кендалл? Нам она всё равно не даст, так пусть хоть кому-то...

— За такое дело налью. Собирайтесь тогда, пойдём. А этот Вернер ничего мужик... Порода чувствуется. Хотел бы я посмотреть, как он её. Или она его.

— Фу, Вилли, как не стыдно!

— Да я просто теоретически. В интересах чистой эстетики. Очень уж она сексуальная женщина. Должна по идее трахаться, как кошка, направо и налево. А ведь ничего подобного. Вот мне и интересно — почему? Ладно, пошли.

— Погоди, а Кристоф?

— Тоже верно. Он-то стакан заслужил, в отличие от некоторых. Посмотри, Ален, как там наш приятель, кончил?

— Ну ты сказал! Что, прикажешь мне высунуться и спросить: Кристоф, дорогуша, ты кончил уже?!

Дверь отворилась, и в раздевалку вошел Кристоф. Судя по виду, он все ещё был основательно не в себе.

Вахта Кендалл, позабыв свойственную военным астронавтам деликатность, встретила коллегу громовыми аплодисментами.

* * *

В интерьере каюты старшего навигатора доминировало пилотское кресло с массой регуляторов и контактов в подлокотниках. В стену перед креслом был встроены многофункциональный терминал. В экстренных случаях Ива могла включиться в боевые действия, будучи, что называется, одной ногой в постели.

Ива бросила халат на кровать, достала из шкафа лёгкий спортивный костюм и натянула его на голое тело. Уселась и вызвала капитана Фальцфейн. Та отозвалась немедленно. Тёмные волосы мастер-навигатора Фальцфейн оказались слегка растрёпаны, взгляд блуждал. То ли девушка была под мухой, то ли ещё что.

— Привет, Марго, — сказала Ива. — Я не помешала?

— Да что ты! — отмахнулась та. — Чем тут можно заниматься, чтобы тебе помешали? Обстановка не та.

— Ты действительно будешь занята завтра?

— А-а... — Марго понимающе усмехнулась. — Честно говоря, нет. Просто мне эти гонки... Баловство для малышни. Нас не сегодня-завтра распустят, что толку старое ворошить?

— А помнишь, как мы через Пояс ходили?

— Ну... Мало ли куда мы ходили. Ива, ты не думай обо мне плохо, но я правда не хочу. Могу я не хотеть? И тебе советую — плюнь ты. Смотри на вещи трезво. Ни к чему всё это. Я, например, мыслями давно уже внизу.

— Но телом-то ты наверху. Мало ли, как всё обернется.

— Я тебе скажу, как всё обернется, сестрёнка. Пару раз мы ещё прокатимся туда-сюда, а потом «Муад-Диб» встанет на капремонт. Только не надейся, он пойдёт не в орбитальные доки. Нет, милая, его спустят вниз. А там снимут пушки и отправят на металлолом. Или в буксировщик переделают. И всё. А нашему славному экипажу, включая и тебя, дадут со всем уважением под зад коленом...

Извини. Просто меня удивляет, как ты за свой мундир цепляешься. Ты же всегда хорошо соображала, милая.

— Счастливая ты баба, Марго, — без тени иронии сказала Ива. Маргарета фон Фальцфейн через два месяца подавала в отставку и выходила замуж. Всё у неё было уже решено. Жених, референт одного из Директоров, ставил перед Марго единственное условие — забыть, что она была военным астронавтом, и никогда об этом не заикаться. Он уже заготовил для будущей супруги вполне благопристойную легенду — историю о девушке из космодромной обслуги, с которой познакомился во время командировки на Марс.

— Наверное, счастливая, — подумав, согласилась Марго. — Не знаю, как я там буду, внизу, но постараюсь своего не упустить. Рожу, это точно. Лучшее средство от воспоминаний. Лет на десять забот полон рот.

— Ладно, — вздохнула Ива. — А я, пожалуй, всё-таки устрою ребятам праздник. Хоть посмотрю, как они твоих охламонов уделают.

— Давай-давай, — усмехнулась Марго. — Мастурбируй. Честное слово, я тебя не понимаю. Чем ты планируешь заняться, когда группа F разгонят?

— Понятия не имею, — призналась Ива. — Попрошусь, наверное, в коммерческий флот.

— Так они тебя и возьмут! Мало мы грузовиков спалили?

— Ой, Марго, не трави душу!

— Прости, сестрёнка. Конечно, я тебе не советчик. Может, так и надо: ты пойдёшь с молодыми в библиотеке дурью маяться, а я достану вибратор и воткну себе по самые печенки. И буду всей душой тебе сопереживать. Чертовски сексуальное занятие — глядеть на двадцать мониторов сразу и давать вводные мальчишкам, потным от волнения. Такая производственная мастурбация. Для влюблённых в нашу вредную профессию. Куда веселее, чем обычный трах, ага?

— Дура ты, — сказала Ива от души и отключилась.

Некоторое время она сидела, поджав губы от злости, сложив руки на груди и стараясь не расплакаться. Очень уж Марго была в своих рассуждениях близка к истине.

Слегка успокоившись, Ива набрала вызов старшего техника. Вернер откликнулся не сразу, и монитор остался чёрным.

Координаты абонента указывали, что он сейчас где-то в центральном стволе «Тушканчика», в разгруженной зоне.

— Да, — сказал голос Вернера. — Я вас слушаю, капитан.

— Вы очень заняты, Эндрю? — спросила Ива робко.

— Страшное дело, — ответил Вернер.

Голос его раздавался на фоне треска и шипения. Далеко, на пределе слышимости, раздался металлический лязг, и кто-то спокойно произнёс: «Восемь. Отлично. Теперь левее».

— Внимательней там! — прикрикнул Вернер, отвернувшись от микрофона. — Почему восемь? Должно быть минимум одиннадцать! Повторить!

— Может, я потом? — спросила Ива.

— Момент, — попросил Вернер. Похоже, он был не в спецкостюме и говорил со стационарного терминала в центральном стволе. Примерно минуту Ива с интересом слушала, как он ровным, но очень жёстким тоном распекает подчинённых, у которых снова вышло восемь. Потом рядом с микрофоном раздалось тяжёлое сопение, и что-то шумно ударилось о твёрдое.

— Бля! — выдохнул незнакомый голос.

— Ас-тро-навт! — сказал издали Вернер с нескрываемой издёвкой.

— Так точно, сэръ! — отозвались не менее язвительно. — Кто же ещё. Чужие здесь не ходят.

— Извините, капитан, — Вернер опять был совсем близко. Судя по всему, он в разгруженной зоне передвигался легко и непринуждённо. — Чем могу быть полезен?

— Может, я правда вас потом найду?

— Откровенно говоря, я бы попросил. Мы тут слегка авралим. Знаете, что? Я вернусь в рабочую зону примерно через шестьдесят минут. Где я смогу вас найти?

— А заходите ко мне, — предложила Ива и сама испугалась того, как естественно вырвались у неё эти слова.

— Нет проблем, — сказал Вернер. — А сейчас извините. До свидания.

— До свидания, — сказала Ива, отключая связь и замирая в смущении.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

Голос Вернера всё ещё отдавался у неё где-то в глубине души. Никогда с ней раньше такого не было. Это ощущение тревожило, от него хотелось освободиться. Но изгнать из себя странное чувство внутреннего смятения означало не прочувствовать его до конца, не понять, что за ним стоит.

Ива повернулась вместе с креслом и задумчиво оглядела тесную каюту, пытаясь за что-то зацепиться взглядом и успокоиться. «Неужели я влюбилась? Какая глупость. Или это просто сексуальный психоз? Заразилась от Марго. Все с ума сходят, и ты туда же, сестрёнка. Марго в такой ситуации достала бы из шкафа фаллоимитатор. А я?.. Однако, ну и бардак у меня тут... Он же сюда придёт...»

Мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл вскочила и принялась собирать разбросанное по каюте барахло.

* * *

Энди Вернер подался в астронавты с голодухи. Никогда он не рвался в космос, тем более — на боевые корабли. Вернеры были потомственными медиками, и Энди с детства твёрдо знал, что станет нейрохирургом, как отец. Это было его призвание: точные приборы, высокие технологии, работа с микронными допусками, когда малейший просчёт означает смерть пациента, и значит, ты не просчитаешься. Отец Энди давал ему тренироваться на муляжах и закрывал глаза на то, что мальчишка сбегает в клинику с уроков. В школе хроническое отсутствие Вернера терпели. Экзамены по большинству предметов он загадочным образом умудрялся сдавать более или менее нормально, а счета за обучение всегда были оплачены в срок. Даже одноклассники ни разу толком не побили этого наглого выскочку.

Позже Вернер никогда не вспоминал то время — прекрасные дни, когда жизнь на Земле постепенно налаживалась, появлялось всё больше еды и красивых интересных вещей, а люди были счастливы предчувствием того, что все беды позади и дальше будет ещё лучше. Кошмарная Полночь, до самых основ потрясая Землю, отступала. На улицах Парижа открывались кафе, заново отстраивался Рим, а в далёкой сытой Америке вообще намечался перманентный рай земной.

В эту самую Америку родители Вернера и собрались в отпуск. Им очень хотелось посмотреть страну, большая часть которой осталась такой, как в легендарные старые времена: зелень, синие реки и даже, говорят, дикие животные. Энди тоже мечтал увидеть какого-нибудь зверя и поездке очень радовался. Вместе с сотней других европейских туристов семья пересекла Ла-Манш, вступив таким образом на американскую территорию, прошла санитарный контроль и погрузилась на лайнер-субмарину, направлявшуюся через Северный полюс в метрополию.

Энди стоял в ходовой рубке и благоговейно наблюдал за работой экипажа, когда лодка на крейсерской скорости протаранила неизвестный объект, а тот взял да взорвался. Пассажирский отсек затопило в несколько секунд, и выйти оттуда никто не успел. Из тех пятнадцати, кто чудом выбрался на поверхность, десять человек умерли от переохлаждения. Остальных подобрали спасатели. Через две недели осунувшийся Энди вышел из больницы на улицу Ванкувера, огляделся и понял, что идти ему некуда.

Разумеется, у него были какие-то деньги и билет домой. Но парижская квартира уже пошла с молотка за неожиданно серьёзные долги отца, а страховка оказалась мизерной. Как большинство европейских семей, Вернеры жили в кредит. По возвращении на родину Энди предстоял визит в инспекцию по делам несовершеннолетних и масса других приятных вещей.

— Подкормить-то мы тебя найдём чем, — сказал ему главврач. — Но насчёт работы — извини. Во-первых, нам своих девать некуда. А во-вторых, тебя всё равно иммиграционный контроль накроет. Честное слово, ехал бы ты на родину.

Пару недель он скитался по городу. Ночами заливался слезами в маленькой комнатке дешёвого пансиона, а днём искал способы выжить. Энди не мог ехать в Париж. От одной мысли, что он теперь один будет ходить по улицам, где всё напоминало счастливые детские прогулки за руку с обожаемыми родителями, ему становилось дурно. А ещё безумно не хотелось в приют.

Потом кончились деньги, потом его вежливо попросили и из пансиона, и с больничной кухни. Никому не нужен во Франции, и тем более никому в Америке. Ему было пятнадцать лет, и он остал-

ся совершенно один. Энди вышел на непривычно зелёный бульвар, присел на скамейку и заплакал.

— Что, браток, проблемы? — весело спросили его.

— Да пошел ты... — сказал Энди по-русски, не поднимая глаз.

— Какой ты невежливый, земляк! — рассмеялся всё тот же голос. — И нечего реветь. Moskva slezam ne verit.

Энди ошеломлённо уставился на собеседника. Перед ним стоял молодой человек лет двадцати пяти с жёстким мужественным лицом и неожиданно живыми смешливыми глазами. Одет он был в форму военного астронавта с лейтенантскими нашивками.

— Yolkee-palkee! — воскликнул молодой человек, хлопая себя по лбу. — Я же знаю, кто ты! Это ведь ты американскую подлодку утопил! Ну, земляк, везёт тебе! А им, уродам, так и надо!

Энди против воли улыбнулся. Было в этом лейтенанте что-то такое, что заставляло ему верить.

— Так, — сказал лейтенант, усаживаясь рядом и протягивая руку. — Честь имею, навигатор первого класса лейтенант Uspensky Oleg Igorevich. А ты, дружище...

— Andrey Verner, — сказал Энди, одной рукой утирая слёзы, а другой пожимая крепкую ладонь.

— Я читал в новостях, — кивнул лейтенант. — Всё про тебя знаю. Кроме одного: куда ты теперь и как вообще дальше...

— Понятия не имею, — признался Вернер и без приглашения рассказал лейтенанту короткую историю своей жизни. Самым интересным событием в ней было столкновение с экранированной от радарного сигнала военной субмариной, дежурная вахта которой удивительным образом прошляпила гражданский лайнер на встречном курсе.

— Да, — сказал лейтенант, выслушав Энди. — Знаешь, дружище, в чём истинный смысл второго закона термодинамики? Как ни упирайся, а бардака всё больше. И чем сильнее упираешься, тем хуже неразбериха. В космосе, доложу я тебе, всё то же самое. Но бывают такие люди — везучие, которых это не касается. Вот ты, например. Только сел на скамеечку, и тут я пришёл. Главное, как меня сюда занесло, не представляю. Я обычно другим путём хожу, он короче. Ну ладно, Andrey, пойдём.

— Куда? — спросил Энди.

— Тебе пятнадцать, — сказал лейтенант. — Я верю, что, имея соответствующий инструмент, ты можешь распилить мою башку пополам, и я от этого стану только умнее. Но в клинику тебя сейчас даже санитаром не возьмут. Соображаешь?

— А то, — Энди невесело усмехнулся. Уж что-что, а это он уже выяснил.

— Значит, тебе надо перекантоваться несколько лет при халявной кормёжке и жилье, — продолжил лейтенант. — Ничего, что я по-простому, без церемоний? Называю вещи своими именами.

— Да я понимаю...

— В Париже тебе дадут нищенское пособие и загонят в дешёвую школу. Потом ты пойдёшь на завод вправлять мозги роботам, а ночами будешь готовиться в университет. Тебе придётся туго, но ты пробьёшься и получишь стипендию. Ещё пять лет впроголодь с жуткими нагрузками, потому что днём учёба, а ночами работа санитаром. Учиться надо хорошо, чтобы не отняли стипендию, и пахать тоже придётся до седьмого пота, чтобы не выгнали. И это ещё лучший вариант. Это, считай, если тебе по-прежнему будет везти. Но может статься, что ты останешься до конца своих дней на заводе. На гидропонной фабрике какой-нибудь... Как думаешь, это достойное место для тебя?

— Господин лейтенант, — сказал Энди твёрдо, — не надо меня уговаривать. Я сам понимаю, в каком положении оказался. Куда вы меня зовёте? Объясните — и я пойду. Я вам почему-то верю.

— Молодец! — сказал лейтенант. — Это ты правильно. Мне нужно верить, у меня профессия такая. Представляешь — говорю я капитану: сэр, отказ ходового процессора, управляться не могу. А он не верит... М-да. Так вот, Andrey. Если ты разбираешься в медицинской технике, то вся наша аппаратура для тебя не сложнее молотка. К восемнадцати ты получишь классную профессию и как военный — массу льгот. Кстати, сможешь перевестись на медицину. Если захочешь, конечно. Вот и решай. До училища десять минут ходу.

— Не знаю, — пробормотал Энди. — Училище... Выше ногу, курсант...

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— Да что ты! — лейтенант рассмеялся. — Это же космическое! Там второй принцип термодинамики работает вовсю. И ребята отличные, гарантирую.

— Я по возрасту не подхожу... — робко заметил Энди.

— Сделаем, — отмахнулся лейтенант.

— А вы там преподаёте?

— Да нет. Подбираю себе экипаж из выпускников. Меня на учебную базу загнали временно. Так сказать, в воспитательных целях. За грубость и нетактичное поведение. Но я это училище знаю. Поверь, там вполне можно жить. Кормят от пуза, отдельные комнаты, и, я повторяю, очень приличный народ. По-моему, это для тебя шанс.

— Я хотел бы ещё подумать, — сказал Энди.

— Три дня. Потом я уеду. У тебя деньги-то есть? Ты вообще когда ел последний раз?

— Погодите, господин лейтенант, — попросил Энди. Он спрятал лицо в ладони и несколько минут, сопя, просидел неподвижно.

Лейтенант спокойно ждал.

— Всё правильно, — сказал Энди, убирая руки от лица, которое оказалось красным и слегка дёргалось. — Всё правильно. Я пойду с вами.

— Ты быстро соображаешь для своих лет, — заметил лейтенант. Он поднялся, Энди тоже встал. — Попомни мои слова, даром тебе это не пройдёт.

— То есть? — не понял Энди.

— Не быть тебе адмиралом, — объяснил лейтенант. — Впрочем, как и мне.

У дверей училища Энди внезапно остановился.

— Все нормально, — улыбнулся лейтенант. — Я с тобой. Все будет ОК.

— Да нет, — сказал Энди. — Я хотел спросить... Вы мне помочь решили, потому что я тоже русский?

— Ничего себе! — улыбка лейтенанта растянулась чуть ли не до ушей. — А кому ещё помогать-то на этой вониючей планете? Ладно, не дури, Andreu. Какая разница, кто ты по крови... Тебе было плохо. Как я мог пройти мимо?

— Извините, — пробормотал Энди.

— Ерунда, — сказал лейтенант. — Я, наверное, за свою жизнь раз двадцать вот так сидел один-одинёшенек и впадал в отчаяние, как ты сегодня...

Энди ждал продолжения, но его не последовало. Тогда он не удержался и спросил:

— И к вам подходили добрые люди?

— Ни-ког-да! — рассмеялся лейтенант не без гордости. Он поставил ногу на ступеньку и хитро подмигнул Энди. — Выше ногу, курсант Вернер, — сказал он. — И выше нос. Путешествие началось. Poyehali!

— Poyehali! — откликнулся Энди.

* * *

За последующие годы Энди впадал в отчаяние не двадцать раз, как лейтенант Успенский, а всю тысячу. Он безумно тосковал по родителям и никак не мог понять, отчего судьба жестоко обошлась с ним. Но никогда больше не терял самообладания на людях. Военному астронавту такая роскошь не полагалась.

В навигаторы он не прошёл из-за слишком высокой нервной возбудимости. На отделение систем управления огнём его тоже не взяли — реакция оказалась не та. Расстроенный Энди сидел на подоконнике и с тоской рассматривал свой билет в Европу, когда к нему подошёл старший преподаватель отделения технической поддержки. Он за шиворот снял абитуриента с подоконника и пять минут с ним поговорил. «А откуда ты здесь вообще?» — «Меня привёл лейтенант Успенский», — ответил Энди. «Да ну! — преподаватель рассмеялся. — Узнаю друга Алекса. Его наш ректор до сих пор без дрожи в голосе не вспоминает. Пошли, астронавт. Считаю, я тебя зачислил без экзаменов. И если ты через год не будешь лучшим на курсе, я тебе за лень и раздолбайство голову оторву!»

К четвёртому курсу за Энди укрепились репутация блестящего специалиста. Постепенно он входил во вкус: работа с механизмами и электроникой боевых кораблей оказалась не менее тонкой и увлекательной, чем нейрохирургия. Корабли тоже были по-своему живыми, они нуждались в качественной диагностике, и тут

Вернеру не было равных. На пятый курс он перейти не успел: за ним приехал знаменитый капитан Успенский, встречать которого выбежало во двор пол-училища. «Poyehali?» — спросил капитан. «Poyehali!» — ответил Энди. Ему вне очереди вручили нашивки энсина, и Успенский забрал Энди на свой дестроер «Хан Соло». Два сезона патрулирования в Поясе энсину Вернеру засчитали как дипломную практику. Без малого половина экипажа «Соло» была из таких мальчишек, уже со знаками различия мичмана, но ещё без официального сертификата. Как Успенский протаскивал их на борт, Вернер до конца не разгадал. Но зато тинейджерский экипаж, не обременённый излишней привязанностью к жизни ввиду отсутствия детей и жён, буквально творил чудеса. Ордена и медали сыпались на дестроер как из рога изобилия. Гоняя пиратов и контрабандистов, «Соло» производил манёвры, невозможные для судов такого типа, и подолгу ходил с ускорениями, под которыми в других экипажах никто не мог шевельнуть рукой.

Потом Энди тонул на «Фон Рее». Потом затыкал своим телом пробоину на скауте «динАльт». Потом вляпался в большие неприятности на десантнике «Рик Декард», где дважды был контужен и чуть не сгорел. Взрывался на бэттлшипе «Эндрю Виггин». И эта последняя история оказалась концом его славной карьеры. Лейтенант Вернер приобрёл дурную репутацию везунчика. Человека, который выпутывается из смертельно опасных ситуаций. И человека, которого эти ситуации находят, что называется, без долгих уговоров. Его никто не хотел брать в экипаж. Даже сам Успенский, теперь уже командер Рашен. Во-первых, у Рашена на «Тушканчике» был полный комплект, а во-вторых, у Вернера в результате многочисленных психических травм здорово испортился характер и он Рашену несколько раз основательно нахамил.

Вернера забраковал лично Задница, тогда ещё не адмирал. Он посмотрел его личное дело, покрутил костлявым носом и сказал: «Этого типа списать под благовидным предлогом. Жаль мужика, но он беду притягивает. Бывают такие люди, к сожалению...» И мастер-техник Эндрю Вернер не прошёл очередную медкомиссию, обнаружившую у лейтенанта критический уровень нервной перегрузки. В принципе комиссия была недалеко от истины, и Эндрю это признавал. Он

только обиделся, что ему даже капитана не дали на прощание. Так и загремел в космодромную службу: тридцатилетний лейтенант с Пурпурным Сердцем и редкостным послужным списком.

По идее это было к лучшему. После катастрофы на «Виггине» Эндрю окончательно возненавидел космос, где царит второй принцип термодинамики и, как ни упирайся, всегда найдётся кретин, готовый ни за что ни про что угробить боевой корабль с тобой на борту.

Но с другой стороны, Вернер, спустившись вниз, погрузился в тоскливое и беспросветное одиночество.

Эндрю чинил станции наведения, менял женщин как перчатки и галлонами хлестал самогон, который механики добывали из гидравлической жидкости. Так он и просидел на Земле всю страшную вторую марсианскую кампанию — работал, пил, трахался, издевался над старшими по званию, совершал эксцентричные поступки и ходил к психоаналитику. В конце концов руководство базы невзлюбило Вернера до такой степени, что стало подыскивать более или менее легальный способ от него избавиться. И тут очень кстати подоспел «Горбовски», куда требовался специалист экстра-класса. А руки у Вернера ещё не дрожали. Работать он мог.

«Горбовски» был прототипом, кораблём принципиально новой системы, на котором хотели обкатать старую как мир идею «нуль-Т». Предполагалось, что, сгенерировав вокруг себя некое замысловатое поле, эта штуковина сможет проколоть пространство, раствориться на границе Солнечной и выскочить незнамо где. Детали работ по «Горбовски» были строго засекречены, но о самой идее буквально орали все сводки новостей, подавая затею как безусловно героическую и эпохальную. Особенно журналисты напирали на фантастическую смелость экипажа, смакуя блестящие эпизоды боевого прошлого испытателей-добровольцев.

Некоторых из этих людей Эндрю знал и обоснованно полагал сумасшедшими. А начальство полагало сумасшедшим его, лейтенанта Вернера. И стало подъезжать с настойчивыми советами пойти в испытатели. В ответ Вернер грязно выразался по-русски и делал неприличные жесты. Его вроде бы оставили в покое, но в один прекрасный день, когда Вернер, мучаясь с похмельюги, брёл на службу, лейтенанта нагнали механики и стали громогласно поздрав-

лять. Вернер кинулся к ближайшему терминалу, вывел на монитор блок новостей и опешил. С экрана глядела его угрюмая физиономия, а чей-то голос взхлёб расписывал, какой великий специалист и настоящий герой подал заявление на должность старшего техника «Горбовски». У ворот базы уже толпилась пресса.

Вернер нехорошо посмотрел на механиков, и ему тут же сунули флягу с бормотухой. Эндрю основательно похмелился, здорово упал духом и внезапно потерял над собой контроль.

Журналистов спасло от фатальных увечий незыблемое правило: никаких спецкостюмов за воротами базы. Да наземному персоналу спецкостюм и не положен. Но пару челюстей Эндрю всё-таки свернул. Драться он не умел и поэтому бил так, чтобы уж наверняка. Потом разогнал спешивший к месту побоища наряд военной полиции, ворвался в кабинет начальника базы, закатил ему истерику, вышиб зуб, сломал ребро и оттащил за волосы.

И угодил под трибунал.

Какую дурь подсыпали в выпивку и что потом сказал исполнителям начальник базы — интересно было бы узнать, конечно.

Позже Эндрю рассказывал эту историю Рашену и Боровскому смеясь. Выходило, что ему действительно крепко повезло. Могли поставить к стенке, могли загнать на урановую каторгу, что в принципе одно и то же. Но либо Эндрю чего-то недоговоривал, либо его счастливая звезда в те дни горела особенно ярко.

По словам Эндрю, первым и единственным, кто навестил его в камере, оказался капитан Риз, командир «Горбовски». «Пошли с нами, лейтенант, — сказал капитан. — Тебя же эти сволочи шлёпнут. А так хоть какой-то шанс. Хрен ли нам, смертникам?» — «Не понял?..» — «У меня половина экипажа из-под трибунала, — объяснил капитан. — А остальные — долбанутые. Разве нормальный человек согласится по доброй воле быть первым испытателем нуль-Т-корабля? Но с твоими руками мы эту хреновину так гениально сломаем, что испытания лет на сто затянутся!»

Эндрю почесал в затылке. Капитан Риз начинал ему нравиться.

«Будем себе болтаться вокруг орбитальной верфи и заниматься саботажем, — продолжал капитан. — Всё равно эта нуль-транспортровка — бред. Не верю я в неё. Такой мастер, как ты, считай, для

нас спасение». — «А если я не смогу?» — усомнился Эндрю. Капитан пожал плечами. «По большому счёту всё равно, — сказал он. — Нам так и так идти за Цербер. А за границей Солнечной кто нас заставит делать то, чего мы не хотим? Ты не сомневайся. Они думают, я настоящий псих и жду не дождусь, как бы рвануть в подпространство. А я всего-навсего обычный алкаш. Трус я и сука. Ходил на десантнике, бросал ребят на поверхность. А однажды нажрался до глюков и своего навигатора, хорошую бабу, взял да удавил. Показалось мне, что не туда рулит. Сел за управление, стал отворачивать и собственным выхлопом три десантных бота спалил. Ну, думаю, молодец, долетался. И тут как осенило меня. Выхожу на связь и говорю начальству: извините, не могу больше воевать с мирным населением, свободу Марсу и так далее. Только что в знак протеста сжёг три сотни героических десантников, туда им и дорога, кровавым убийцам... А самого хохот безумный разбирает. Меня — бац! — в психушку на экспертизу. И что ты думаешь, нашли какое-то поражение чего-то там в башке. Допился, судя по всему. Поэтому и не убили. Но три года в палате — та же могила, разве что светло. Вот с таким командиром ты пойдёшь, лейтенант. Командир-то я хороший. Тем более не пью вообще ни капли — вылечили. Ну что, согласен?»

Эндрю не глядя подписал бумаги, согласно которым исполнение смертного приговора откладывалось на неопределённый срок. Под усиленным конвоем его переправили в закрытый тренировочный центр. Он как раз внедрился в компьютер системы охраны и готовил побег, когда за ним приехал флаг-адъютант группы F капитан Мозер с секретным предписанием Адмиралтейства. Приговор скостили до пятнадцати лет условно, звание и награды вернули. Оказалось, что на флагмане группы F произошла безобразная драка, и старший техник капитан Скаччи, весь в слезах и соплях, на коленях стоял перед адмиралом, умоляя не отправлять его вниз. А Рашен обратился в строевую часть Адмиралтейства и спросил, где сейчас лейтенант Вернер. «Да он сидит», — ответили ему. «За что?» — удивился Рашен. «Нападение на старшего по званию. Кажется, съездил по морде начальнику базы». — «За такое ордена полагается давать, — небрежно сказал Рашен. — Найдите мне его. А я пока с адмиралом флота переговорю и улажу формальности».

Теряясь от смешанного чувства стыда и восторга, Эндрю ступил на борт флагманского корабля, не зная, что сказать Рашену и как его благодарить. Эндрю по-прежнему не любил космос. Но понимал, что единственное его спасение — работа. И как минимум был в долгу перед адмиралом. Которому он зачем-то остро понадобился.

Уже через сутки на «Тушканчике» Эндрю буквально расцвёл. Ему поставили безумную по сложности задачу. Но зато адмирал не держал на него зла, а вокруг были отличные люди, элита группы F. И прелестная женщина-навигатор, которой Эндрю вроде бы тоже понравился. Жизнь наполнилась смыслом. А то, что Вернер оказался в сердце настоящего антиправительственного заговора, его пока не волновало. Он не верил, что это может плохо кончиться, и убеждал себя, будто Рашен, как обычно, старается предусмотреть даже невозможное, и правильно делает, но ведь он где-нибудь на полпути найдёт разумный выход.

Эндрю не был глуп. Просто он был неисправимый романтик и открытая душа.

Как раз таким людям больше всего доверял Рашен. Такие не любили умирать и поэтому старались не совершать ошибок. Ещё их не тянуло на подвиги. С героями Рашен боролся всеми доступными способами. Недаром его начальником штаба был известный буквоед, задница и саботажник контр-адмирал Задница, лучшим разведчиком считался отпетый перестраховщик Эбрахам Файн, а за состоянием техники следил клинический зануда Боровский. Отчасти этим объяснялись успехи группы F во второй марсианской кампании. Опираясь на таких, мягко говоря, странных людей, Рашен воевал ювелирно. Задница обеспечивал абсолютную тактическую грамотность операций, Файн ни разу не дал заключения на основе недостаточных данных, а Боровский гнал на верфи любой мало-мальски побитый корабль. В итоге Задница получил орден, у Файна проявилась в лёгкой форме паранойя, Боровский слёг в больницу. Рашен имел кучу неприятностей в Адмиралтействе, но задачи были выполнены, а экипажи группы F — целёхоньки.

И Эндрю Вернер, все боевые подвиги которого были делом чисто вынужденным, такое положение вещей от души приветствовал. Под крылом у Рашена он отогрелся и почувствовал себя человеком, ко-

того в беде не бросят. Взамен он работал как проклятый. А ночами ему снилась блондинка с зелёными глазами и обворожительной улыбкой. Мастер-навигатор Кендалл. Милая Кенди.

* * *

Вернер после работы забежал в душ и теперь слегка опаздывал. Поэтому он спешил и, выскочив из-за угла, чуть не сбил с ног весьма представительного господина, одетого в парадную форму военного астронавта: сплошь пуговицы, галуны и прочая бижутерия.

— Ты куда так разбежался? — хмуро спросил его флаг-адъютант капитан Мозер. — К бабе, что ли?

— Извини, — сказал Вернер и потянулся было поправить сбившийся набок аксельбант, но Мозер деликатно вырвался. — А чего у тебя аксель не пришит? Оторвут ведь.

— Когда пришит — некрасиво, — авторитетно заявил Мозер, приводя себя в порядок.

— И пуговица вот на честном слове болтается...

— Тише, ты! Да не дёргай! Ну же, Энди! Отпусти!

— Да я так... попробовал. Ты вообще откуда взялся такой красивый?

— Снизу, — устало объяснил Мозер, приваливаясь к стене. Видно было, что он не особенно спешит и рад возможности почесать языком.

— Ну, и как там, внизу?

— Ты что, новостей не видел?

— Мне по Сети бродить некогда, — заявил Вернер. — Я в основном по центральному стволу летаю. Вот тебя бы туда со всеми твоими... причиндалами.

— Ладно, ты, слесарь хренов... Короче говоря, последний опрос показывает — скорее всего, на Собрании Акционеров для роспуска военного флота не хватит шести процентов голосов.

— Так отлично! — просиял Вернер. — Это же просто здорово!

— Здорово-здорово, а ни хера не здорово, — неожиданно зло высказался стихами Мозер. — У соседа моего отымили бо-рова!

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

Вернер опешил. О существовании такой лихой баварской поговорки он, судя по всему, не слышал. Даром что был немец только по фамилии.

— Ты чего?.. — с опаской спросил он.

— Да ничего. Видишь, стою, дурака валяю, а дальше идти — боюсь. Мне сейчас твоего папочку в парадку одевать. Бляху ему драить, башмаки чистить и всё такое...

— Что-то случилось? — посочувствовал Вернер. — В Адмиралтейство, к Дяде Гуннару на пистон?

— А то... Слышал, «Рипли» к Церберу послали?

— Даже видел. И правильно сделали, что послали.

— Я не знаю, правильно или как, только денежки на бустер твой обожаемый Рашен хапнул из резервного фонда. Никого не спрося, без серьёзного обоснования. Накорябал записочку для отчёта... И какая-то сволочь из штаба Задницы, ясное дело, капнула вниз. А знаешь, что внизу бывает за разбазаривание средств? В лучшем случае припаяют самоуправство. И Рашена теперь — на вздрючку. Ладно, ему не впервой. Только вот если информация выйдет из стен Адмиралтейства и попадёт в Сеть... Найдётся ведь зараза, раззвонит на всю Солнечную. А Рашен, может, последний вояка, которого на Земле ещё с дерьмом не смешали. И плакали твои шесть процентов голосов. Он же эти бабки, считай, украл! А главное, зачем?!

— Во-первых, не «твои шесть процентов», а наши, — поправил его Вернер. — Или ты уже не наш, а, крыса штабная?

— На себя посмотри, жертва радиации. Таракан реакторный!

— А во-вторых, ничего ему не будет, — продолжил Вернер твёрдо. — Ты же сам знаешь, почему Файн пошёл к Церберу. Наоборот, Рашена хвалить надо. Он же работает на опережение. Защищает мир от внешней угрозы.

— Это, что ли, от чужих? — спросил Мозер с нескрываемой издёвкой.

— А от кого ещё?

— Знаешь, Энди, ты, конечно, мужик что надо, но дурак редкостный. Мой тебе совет — про чужих ни слова.

— Погоди... Ты в них что, вообще не веришь?

— В чужих никто не верит там, — Мозер ткнул пальцем себе под ноги. — Согласись, в таком контексте уже неважно, что думаю я. Стоит Рашену только заикнуться о своих идеях, и он всему флоту кинет подянку. Тебе сказать, как ведущие психиатры внизу трактуют активные действия по розыску чужих? Или сам в курсе?

— Болезненная тревожность, — мрачно кивнул Вернер, опуская глаза. — Хотя нет, активные действия — это уже симптом мании преследования. Вот дерьмо!

— Они, конечно, тормозят, — сказал Мозер, — но я их понимаю. У Совета Директоров сейчас есть чёткая задача — развалить флот и высвободить деньги. Вот они её и выполняют. А если чужие прилетят и врежут, это будет уже совсем другой разговор. И другая политика.

— Интересно, какую он придумал отмазку, — пробормотал Вернер, имея в виду Рашена, который в Адмиралтействе о чужих, разумеется, не заикнётся. Понять это было обидно.

— Придумает что-нибудь. Он же русский всё-таки. Хитрожоный.

— Как дам в лоб! — пообещал Вернер. — Не посмотрю, что целый капитан.

— Ой-ой-ой! — рассмеялся Мозер. — Напугал. Главное, не расстраивайся. Ты же к бабе шёл? Вот и думай о хорошем. А то ещё не встанет...

— Фу! — Вернер брезгливо сморщился. — Что за слова... Будто и не астронавт вовсе. Говоришь, словно всю жизнь внизу ползал. Стыдно.

— На себя посмотри, — всерьёз обиделся Мозер. — Тоже мне, понимаешь, орденосный герой, весь в шрамах и без пиписки...

— А ты ведь боишься, — неожиданно спокойно заметил Вернер. — Ты же наверняка присмотрел себе местечко в наземных службах. Дал на лапу кому следует... Распустят нас или нет, тебе в любом случае ещё лет на десять жирный кусок гарантирован. Интересно, с какой рожей ты подпишешь распоряжение о сдаче «Тушканчика» на слом... Что, угадал?

— Да пош-щёл ты! — почти крикнул Мозер. Обвинение было довольно серьёзным. В случае роспуска флота его наземные службы автоматически превращались в контору по инвентаризации все-

го, что от флота осталось, затем — эксплуатации того, что ещё могло летать под коммерческим флагом, а потом и утилизации оно. Неписанный кодекс чести не позволял лётному составу участвовать в таких мероприятиях. Считалось, что это предательство.

— А если Рашена вниз спишут, — продолжал зловеще Вернер, — то ведь и твои акции здорово упадут, правда? Это ты сейчас крутой, ходишь адъютантом при самом лихом адмирале. А так ведь — ноль без палочки. И внизу тоже никому не будешь нужен.

— Знаешь, это ведь я тебе в лоб звездану, — прошипел Мозер. — Тоже не посмотрю, что ты всего лейтенант. Не пожалею нищую сиротинушку, психически травмированную да условно освобождённую...

— Попробуй, — сказал Вернер. — Только учти, что я не хотел тебя обидеть. Я просто констатировал факты. И знаешь... Мне тебя жаль.

Мозер неожиданно сник. Ударить Вернера он, конечно, не рискнул бы. А в перепалке у него шансов выиграть не было, потому что Вернер угадал всё правильно.

— Злой ты стал, — только и сказал Мозер. — И что-то очень уж нос задрал. Ты сейчас тоже у Рашена в фаворе. Но были времена, когда ты вёл себя по-другому. Попомни мое слово, он тебя снова выжмет, как тряпку, и выбросит. Чисто русская модель поведения: себя не жалко и других не жалко, я эти штучки знаю. Сегодня ты ему нужен, а завтра... И вообще, Энди, не забывай, где я тебя видел и как плачевно ты в этот момент выглядел.

— Я же не герой, — мирно сказал Вернер. — Я так... просто астронавт.

Повернулся и ушёл.

Мозер дёрнулся было с намерением сказать вслед гадость, но передумал. На любое его обидное слово Эндрю уже сто раз мог предложить Мозеру, допустим, нырнуть в Юпитер. Или посидеть в тюрьме. Но ведь не предложил.

— Дурак ты, — сказал Мозер уныло.

В тюрьме, куда Мозер за ним приехал, Эндрю выглядел далеко не плачевно. Был в этом человеке какой-то удивительный нестигаемый стержень. В любой кризисной ситуации Вернер быстро соображал, компетентно действовал и никогда не терял головы. На взгляд Мозера, он был отличный профессионал и настоящий герой.

А то, что в обыденной жизни Вернер оказался рохлей и сейчас таскал позорные для своего возраста лейтенантские нашивки, Мозера не удивляло. По его мнению, это как раз была характерная примета героя. Флаг-адъютант Мозер по-чёрному завидовал своему однокашнику, которого другой герой — Успенский — прямо с четвёртого курса забрал в космос.

Мозер тяжело вздохнул, сунул руки в карманы и отправился по своим абсолютно негероическим делам. В этом и заключалась разница между успешным и состоятельным Мозером и ободренным неудачником Вернером. Эндрю на каждом шагу подстерегала возможность блестяще проявить себя. Да, это было опасно для жизни, но как красиво выглядело! И планка Сердца на рабочей куртке Вернера всегда будет волновать девичьи сердца. А все нашивки и галуны Мозера говорили только о респектабельности и добропорядочности, но никак не об умении выживать и спасать других, которое так ценят женщины.

Конечно, Мозер тоже неоднократно имел возможность красиво выступить. Но на совсем другом поприще, штабном, а это дело особое, для людей надёжных, умных и дальновидных, только вот, увы, неспособных держать перегрузку и мгновенно принимать решения. Единственным в группе F «штабным», которого по-настоящему уважали боевые офицеры, был контр-адмирал Задница, успевший по молодости отмочить такой подвиг, что не смог больше водить корабли.

А флаг-адъютант Мозер с детства бредил космосом и очень хотел совершить где-нибудь в Пространстве настоящий героический поступок. Можно даже с травмой, физической, а лучше ещё и психической, что уже совсем круто, ведь кости срастутся, а душа никогда... Прийти на выручку, спасти коллег, разнести врага в мелкие клочья, уползти домой на разбитом отражателе и, ступив на твёрдую землю, с облегчением сказать: «Я сделал всё, что мог!» Но, увы, как раз сделать всё, что в его силах, прожить отрезок жизни на пределе возможного и вернуться из смертельного боя живым Мозер оказался неспособен. И до сих пор страдал по этому поводу. А по пьяни даже горько расстраивался. Хотя по большому счёту не был ни в чём виноват.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

Молодую смелость флаг-адъютанта хватил столбняк пятнадцать лет назад. Мозер, тогда ещё лейтенант, ждал на орбитальной базе погрузки на скаут «динАльт», куда был приписан вторым навигатором. И увидел заходящий на стыковку легендарный круизер «Лок фон Рей», совершивший фантастическое погружение в Юпитер. Мозер знал нескольких ребят с «Фон Рея», в том числе Эндрю Вернера, и поспешил к шлюзу, благо офицерское звание позволяло ходить везде и совать нос в чужие дела.

А из шлюза выплывали бесчувственные тела в запечатанных спецкостюмах, смотанные между собой электрическим шнуром, чтобы ветром не сносило. Второе, третье... Когда Мозер досчитал до пятидесяти, ему стало плохо. А когда вслед за телами вышли на своих ногах, с трудом цепляясь подошвами за магнитный пол, десять относительно здоровых астронавтов, Мозер не рискнул подойти к ним.

Впереди шагал капитан Успенский, ещё не подозревая, что месяцем позже навсегда получит знаменитое имя «Рашен». Впрочем, скажи это Успенскому тогда, он бы и ухом не повёл. Капитан был никакой, если не сказать жёстче. А следом показался Вернер, и в глазах его сквозило плохо скрываемое безумие.

Мозер отступил на шаг, потом ещё, а потом не выдержал и удрал. Не бежал с флота, вовсе нет, только что-то он в том проклятом шлюзе навсегда потерял. То ли молодость, то ли готовность рисковать и жертвовать собой. То ли, как он безуспешно уверял себя позднее, глупость. Для очистки совести Мозер дважды сходил на «динАльте» к Марсу и один раз к Венере, но судьба берегла кораблик от серьёзных неприятностей. Может, потому, что командовал на нём Эбрахам Файн. Но Мозер почувствовал, что вероятность катастрофы накапливается, и подал рапорт на переподготовку. Не успел он год проучиться на штабного аналитика, как «динАльт» схлопотал в Поясе сквозную пробоину. Спасла экипаж, метавшийся в дыму и огне, только находчивость техника, который оказался возле самой дырки и хладнокровно заткнул её кулаком. Узнав об этой истории, Мозер напился вдрызг и навсегда успокоился.

Он сделал нормальную карьеру в штабе Задницы, участвовал в планировании ряда удачных операций, считался толковым раз-

работчиком и приятным в общении человеком. Потом Эссекс рекомендовал его во флаг-адъютанты. Рашену нельзя было врать, и на вопрос, отчего Мозер пошел в штабные, тот выложил адмиралу историю про шлюз. Адмирал ему посочувствовал и сказал: «Ладно, принимай дела». Сначала Мозер был от счастья на седьмом небе, работал не за страх, а за совесть и, сам того не замечая, приобрёл блестящую репутацию. В Адмиралтействе на толкового и исполнительного Мозера нарадоваться не могли. Но потом картину стала портить его излишняя близость к строптивому русскому. Будучи передаточным звеном между командиром группы F и адмиралом флота, Мозер постоянно ходил по лезвию, рискуя подставиться и с той и с другой стороны. А когда на твоего начальника стараются оказать давление через тебя самого...

В последние дни ситуация усугубилась. И сейчас, направляясь к адмиралу с дурными новостями, Мозер нарочно замедлял шаг. Он всё прикидывал, когда именно умнее попросить Рашена о переводе вниз и как эту просьбу изложить.

А драпать было самое время. Потому что история с отправкой «Рипли» на Цербер пахнет дурно, и Рашену того и гляди оторвут его чересчур умную русскую башку.

* * *

На двери каюты старшего навигатора Кендалл была красным фломастером нарисована конфетка. Рисунок явно делался в одно движение, на ходу, но яркая линия, небрежно брошенная на белый пластик, выдавала недоужинный талант.

Вернер задумчиво ткнул пальцем кнопку вызова, и дверь тут же распахнулась.

— А у нас на «Тушканчике» маньяк, — сказал Эндрю, невольно провожая глазами уплывающую в стену конфетку. — Здравствуйте, капитан. Извините, я немного запоздал... — Он перевёл взгляд на стоящую в дверном проёме девушку и с трудом поборол желание схватиться за сердце, которое вдруг основательно защемило. Он не думал, что соскучился по Иве до такой степени. И вообще, он ещё не опомнился от бестолковой перепалки с Мозером. Всю дорогу до

каюты Эндрю пытался в мыслях поставить себя на место флаг-адъютанта, а Мозера — на своё. Не вышло.

— Здравствуй, — сказала Ива и отступила назад. Судя по её виду, она тоже пребывала в лёгком замешательстве. — Ну, заходи. А маньяков у нас полкорабля.

— Да нет же! — отмахнулся Эндрю. — Вот, посмотрите, что у вас на двери нарисовано.

— Мы, кажется, были на ты, — напомнила Ива, выходя в коридор и закрывая дверь. — Ого! Слушай, это откуда?

— Понятия не имею. — Эндрю все-таки поднял руку и потёр ноющую грудь. Никогда с ним раньше такого не было. Странное ощущение, будто всем телом он что-то предчувствовал. Нечто грандиозное и даже пугающее.

Ива стояла в шаге от него, совсем близко, и Эндрю с умилением подумал, какая она трогательно маленькая, уютная и домашняя в лёгком спортивном костюме и босиком. Ему вдруг безумно захотелось положить девушке на плечо сильную уверенную мужскую руку и защитить Иву сразу от всего на свете. Но рука плохо слушалась.

— М-да, — протянула Ива, разглядывая конфетку. — Художник. Бывают ведь талантливые люди... Один росчерк, а сколько экспрессии. Вот бы его, негодяя, поймать! Чтобы в наказание приличную картину для кают-компании написал!

— Вы руку не узнаете?

— Слушай, Энди, ты меня достал, — сказала Ива, поворачиваясь к нему лицом. — Не «вы», а «ты».

— Я больше не буду, — скромно пообещал Эндрю. — Узнаёшь руку?

Ива ещё раз посмотрела на рисунок, покачала головой, открыла дверь и махнула Вернеру: заходи.

— У него пристрастие к красному цвету, — объяснил Эндрю, шагая через высокий порог с вакуумным уплотнителем. — Это же его художество в бассейне-го.

— Может быть, — кивнула Ива, приказывая двери захлопнуться. — Очень даже может быть...

— Элементарная графологическая экспертиза, — не унимался Эндрю. Он был по-прежнему несколько смущён, хотя сердце уже

отпустило. — Есть же образцы почерка всего экипажа. Достаточно отсканировать эту конфетку и поставить компьютеру задачу. Наверняка в Сети есть какой-нибудь такой софт. Правда, у нас вспомогательные компьютеры слабенькие, но это ерунда. Ходовому процессору работы будет на пару секунд.

— Ах ты, негодник! — рассмеялась Ива. — А ещё мастер-техник называется!

— Подумаешь, — Эндрю гордо выпятил грудь. — Делов-то. Всё равно этот процессор сейчас отдыхает. Никто и не заподозрит, что у него на уме... И вообще, у меня один приятель сделал из обычного унитаза самогонный аппарат. На скауте. Там все равно им никто не пользуется. Вот как ребята до Цербера долетят... — Тут он осёкся и сделал большие глаза.

— Я молчу! — усмехнулась Ива. — Расскажи ещё что-нибудь.

— Да это все неинтересно. У техников своя жизнь, свои байки. У навигаторов тоже. Профессиональный фольклор. В центральном стволе только что дикий хохот стоял. Но окажись рядом, допустим, Боровский, он бы решил, что мы ненормальные. Хотя и отвечает за боевую часть. А в... Ты зачем меня позвала?

— Молодец, — похвалила его Ива. — Привыкаешь. Слушай, тут у нас такое... Надо же, чуть не забыла!

— Я тоже, — неожиданно ляпнул Эндрю. Просто не мог с собой ничего поделать. Взял и сказал.

— А ты о чём забыл? — удивилась Ива.

Вернер крепко зажмурился и выпалил:

— Я уже подумал, что у нас просто свидание!

А когда разжмурился, Ива была совсем рядом и смотрела на него снизу вверх, доверчиво и внимательно.

— Кто ты, Эндрю? — спросила она, в точности как в прошлый раз.

— Или я тебя сейчас поцелую, или умру, — сказал он невпопад.

Вот так просто, без привычных заигрываний, что называется, грудью на амбразуру. «Как даст мне по морде сейчас... — пронеслось в голове. — А я перед ней на колени упаду. Всё, пропал. Это любовь. Надо же!»

Но ласковые руки уже обнимали его за шею, а мягкие нежные губы прижались к его губам.

Эндрю осторожно, но крепко обнял Иву и провел кончиком носа по её щеке. Поцеловал в шею, почти неощутимо, одним дыханием. И заглянул в чуть приоткрытые глаза. И снова поцеловал в губы, страстно, но без напора, без агрессивной мужской жадности, которую знал за собой. С Ивой сейчас был совсем другой Энди Вернер, не тот, которого знали многие женщины там, внизу. Он и сам-то не узнавал себя.

— Погоди, — сказала Ива, мягко отстраняя его.

Эндрю послушно отодвинулся, но объятий не разжал, только позволил ей чуть увеличить дистанцию. Глаза Ивы по-прежнему были прикрыты, и вырваться она не собиралась. Каким-то шестым чувством Эндрю понял: ей хорошо в его руках. Она просто хотела что-то сказать.

— Я же действительно забуду, — почти шёпотом произнесла Ива и, чтобы собраться с мыслями, упёрлась Вернеру пальцем в грудь. — Слушай, у нас... тьфу, всё путается. У нас ходовой тренаж внеплановый. Но в рубке не получится. Две команды, понимаешь? Соревнование. Мы сядем в библиотеке и вводные будем давать вспомогательным компьютерам. А ты же сам говорил, они слабые...

— Что там у вас? — спросил Эндрю деловито, и Ива совсем очнулась. Широко раскрыла глаза (Вернер от восхищения тяжело вздохнул, эти глаза и так были невероятно красивы, а сейчас ещё и светились), но в сторону не отошла, а наоборот, обхватила Эндрю руками за пояс.

— Рейд к орбите Юпитера, на скорость, — объяснила Ива. — Соображаешь?

— Угу. Обзорные мониторы... Правильно, что в библиотеке. Но?

— Вот именно — но. Брось туда линк от ходового процессора, а?

— Боровский в курсе? — мгновенно отреагировал Эндрю.

— А это обязательно? — Ива хитро прищурилась.

— Да как сказать... Когда тебе это надо?

— Завтра к восемнадцати бортового. Ну, к восемнадцати тридцати...

— Понимаешь, милая, я ведь не успею протянуть линк по вентиляционной системе, как это обычно делается в таких случаях.

Кабель пойдёт открыто, через коридор. И если Боровский об него споткнётся... Ладно, ну его. Будет тебе линк.

— Как ты сказал?

— Что?

— Как ты меня назвал?

— Милая...

— Ещё раз, — попросила Ива.

— Милая, — повторил Эндрю, внутренне замирая от восторга.

Ива подалась к нему, прижалась лицом к его груди и, опустив глаза, в который раз отметила, какие у Эндрю красивые руки — и как ей это нравится. А ещё она снова заметила шрам. Эндрю был в рабочей куртке с закатанными до локтя — по моде Ванкуверского училища — рукавами. И длинная белая рваная линия так и бросалась в глаза. Ива осторожно потрогала шрам кончиком пальца.

— Значит, полз и зацепился? — спросила она.

— Ну, в каком-то смысле зацепился. — Эндрю прижал её к себе крепче и от удовольствия закрыл глаза.

— Врёшь постоянно! — беззлобно обвинила его Ива.

— Да не вру я! История на самом деле идиотская. Был такой скаут, «Язон динАльт». Первый скаут Абрама Файна. И я около года на нём ходил. Однажды нас загнали в Пояс, базу контрабандистов искать. К полицейским на усиление. И Абрам против обыкновения разлетелся. Вокруг камни, пора надевать скафандры, а он всё сообщает что-то. Нет, думаю, так не пойдёт. А пульт техника на скауте в корме, у всех за спиной. И я потихоньку в скафандр влез. Тут Абрам говорит: ладно, мужики, одеваемся. И буквально через секунду ка-ак долбанёт!.. Потом оказалось, что эту зону пиратский дестроер патрулировал. У него тоже вахта спала, наверное. Пираты, они же все кто пьяный, кто ещё что... Короче говоря, нас элементарно не заметили. Только в последний момент спохватились и шарахнули беднягу «динАльта» по заднице. Внешняя обшивка — насквозь, а внутреннюю так... порвало слегка.

— Пожар? — догадалась Ива.

— Не то слово. Чёрный дым, народ поливает друг друга из огнетушителей, крик страшный... И сирена орёт — разгерметизация. А где дырка, глазами не видно, потому что всё в дыму. И конеч-

но, аварийная подкачка старается всюю, чтобы люди не задохнулись, а на самом деле подкармливает огонь кислородом. Меня слегка контузило, я сижу, головой мотаю, шлем закрылся, и вся телеметрия прямо на забрало идёт. Смотрю: так вот же дырка, только руку протяни, чудо вообще, что не убило меня. Угадал я с этим скафандром... И неприятная такая дырка, затягивает её помаленьку, но слишком медленно. Смертельный вариант, до критической точки секунд десять. Ну, я отстегнулся, шагнул и, собственно, протянул руку. Сунул. Как-то машинально. Вот и вся история. Пока разворачивались, пока из Пояса выпрыгивали, я так и стоял с рукой в дыре. И скафандр приварило к обшивке. Ну...

— И тебя пришлось вырезать, — закончила Ива.

— Ага! — простодушно согласился Эндрю.

— Какой же ты врун! — заявила Ива почти восхищённо.

— Есть немножко, — скромно потупился Эндрю.

— Просто невообразимый! — Она медленно потянула вниз застёжку его куртки и задохнулась от изумления.

Военные астронавты все были крепкие мускулистые ребята, и Эндрю в этом плане ничем не выделялся, разве что выглядел чуть помассивнее. Но грудь его располосовали такие шрамы, каких Ива в жизни не видела.

— Не заживляется, — извиняющимся тоном пробормотал Эндрю. — Нужна хорошая пластика, а я не настолько богат.

— Бедный, — прошептала Ива, осторожно целуя его изуродованную грудь. Куртка упала на пол. — Бедный мой Энди...

«Она меня за муки полюбила, — вспомнил Эндрю идиотский стишок, — а я её... за попу укусил. Что угодно, только не это». Его чуть не разобрал нервный смех, так он был взволнован. Но всё-таки понял, что жалости в голосе Ивы ни на грош. А есть нечто на грани любования и восхищения.

— А у меня знаешь какая дырка под грудью? — спросила Ива в перерыве между поцелуями.

— Сейчас посмотрим, — сказал Эндрю, осторожно раздевая её. — У-у... Это ваше Сердце, капитан?

— Да. А это, — Ива обозначила вопрос прикосновением губ, — ваше, лейтенант?

— Да.

— Ты мне когда-нибудь расскажешь?..

— Клянусь, — выдохнул Эндрю так искренне, что едва не заплакал. Его всего колотило от нежности и восторга.

— Я так ждала тебя... — прошептала Ива, откидываясь назад, чтобы ему было удобнее целовать её напрягшиеся от возбуждения соски.

— Я так мечтал о тебе...

— Ты когда-нибудь делал это наверху? На корабле?

— Нет. Значит, мы друг у друга первые?

— Да... Замечательно, правда?

— Это прекрасно...

— Иди ко мне...

— Милая...

Эндрю не думал, что это окажется так. Он вообще ничего особенного не ждал от сегодняшней встречи. Немолодой уже и много переживший мужчина, он был впервые по-настоящему влюблён. До умопомрачения. И готов ради Ивы на всё, даже на рыцарское обожание издали. Настроился на серьёзный, неторопливо развивающийся роман. Вовсе не хотел форсировать события.

Боялся, наверное.

Но Ива уже не могла ждать. Энди Вернер, обаятельный мужик со страшной тайной за плечами, роскошным «хвостом» за спиной и немелкими попытками скрывать при разговоре внушительный словарный запас... Он был нужен ей. Ива раньше просто не встречала людей по-настоящему взрослых и по-настоящему сильных глубокой внутренней силой, которая сквозит в каждом движении — и немолимо притягивает. Ива ещё не нашла своего мужчину. А нужен ей был именно такой.

Недаром она всё хотела прикоснуться к адмиралу и сказать ему что-нибудь хорошее. Но всерьёз полюбить Рашена не получалось, настолько он был далёк от Ивы годами и ответственностью. А вот Энди...

Ива словно всю жизнь его ждала. Он ещё нёс чепуху про местного художника, рисующего красным, а она уже представляла себе, как потрясающе будет то, что ждёт их обоих чуть впереди. Удержать взаимное притяжение трепещущих сердец невозможно, остаёт-

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

ся только покориться ему. В тесной каюте стало вдруг нестерпимо жарко, а потом этот жар собрался у Ивы в груди и внизу живота, и она умерла бы от удовольствия, если бы не мечтала о большем. На двоих.

В вихре эмоций, рвущихся из влюбленной женщины, Эндрю совершенно потерял себя. Он хотел сначала доказать Иве свою нежность, довести её до экстаза одними прикосновениями. А уж потом...

Но Ива раскрылась ему навстречу и направила в себя.

И очень скоро потолок каюты отразил её восторженный крик.

* * *

Филипп Эссекс получил награду, в просторечии именуемую «Звезда Урою», в самом начале первой марсианской кампании. Он ходил на дестроере в составе Второго крыла прикрытия группы F и считался лихим командиром, из тех, кого вот-вот начнут звать на борту «драйвер». В несчастливый день, окончившийся подвигом, капитана Эссекса послали в одиночный патруль. Его «Роканнон» должен был утюжить пустынный район марсианской поверхности, местное захолустье, где отродясь не было никакого шевеления — только заброшенные шахты. Их просканировали на оружейный металл и электромагнитные поля, отметили, что шахты пусты, и решили, чисто для мебели, повесить над районом патрульное судно. Дабы враг худого и не помышлял.

Эссекс крепко выругался и пошёл к месту назначения. По прибытии на точку отметился, приказал экипажу начать плановые работы согласно регламенту — не терять же время попусту, — а сам положил локти на командирский пульт и загрузил. Второе крыло прикрытия должно было в этот день идти в самое пекло, отгонять полчища юрких марсианских файтеров, обеспечивая выброску десанта на Ред-Сити. А он, Эссекс, прохладился здесь, над другим полушарием Красной планеты, фактически незаселённым из-за скудости ресурсов. Поверхность не радовала обилием достопримечательностей. Под «Роканноном» простиралась тоскливая равнина и торчала одинокая скала, под которой в незапамятные времена устроили горные разработки, ушли на значительную глубину, да и бросили это дело.

Позднее Эссекс устроил такой скандал, что троих разведчиков списали вниз. Как раз за то, что не догадались забуриться сканером туда, куда в своё время зарылись марсиане. Всего-то и надо было разведчикам — чуть-чуть снизиться и найти, что шахты куда глубже, чем указано на старых картах. Но разведчики не стали утруждаться, а Эссекс в итоге совершил героический поступок, угробил хороший корабль, потерял здоровье и почти весь экипаж.

Потому что под скалой взметнулись облака пыли, шахты вдруг стали пусковыми стволами, и из них рванули вверх продолговатые чёрные тела. Потом выяснилось, что стартовало марсианских дестроеров аж три звена, девять штук. Но в тот момент, слава звёздам, Эссекс не сумел их посчитать и испугаться. Он заорал так, что почти оглох, и врезал обеими руками по контактам. «Роканнон» взвыл, кувыркнулся и рухнул на перехват.

От скалы до побоища над Ред-Сити было всего-то десять мегаметров, и марсиане думали в решающий момент шарахнуть по земному десанту с фланга. Одинокий патрульный дестроер над шахтами их не волновал ничуть, его легко сбивали на взлёте. Марсианским планировщикам была известна тактика землян, и они просчитали любые возможные движения паникующего командира. Едва оторвавшись от поверхности, дестроеры принялись стрелять, перекрывая «Роканнону» пути к бегству. Какой бы манёвр уклонения ни избрал Эссекс, везде его ждала пробоина в борту.

Однако Эссекс не паниковал. Атака оказалась до того неожиданной, что землянин не успел ничего подумать и действовал чисто интуитивно. Он только понял, что дело плохо, и если как-то не разрядить обстановку, то родному Второму крылу ничего не делается, оно умелое, но вот неуклюжие десантные корабли сильно побыют. А до этого пришибут «Роканнон» и его, любимого, капитана Эссекса. Поэтому землянин подчинился инстинктам. Он не стал выходить на предписанные уставом манёвры уклонения. А просто спикировал отвесно вниз, проскочил сквозь вражеский строй и чудом затормозил у самой поверхности. И пока марсиане расстреливали небо, полагая, что сейчас где-то над ними вспыхнет пламя, Эссекс, подняв колоссальный столб бурой пыли, разворачивал ползущий от натуги по швам дестроер и истерически хохотал. Потому что альти-

метр давал у поверхности слишком большую погрешность и упорно показывал: «Роканнон» на сто метров углубился в Марс.

Космический бой — дело заковыристое и, на взгляд непосвящённого, совершенно не поддаётся мало-мальски серьёзному планированию. Боевые корабли нашпигованы помехопостановщиками и всё время сбрасывают ложные цели. Аспидно-чёрная обшивка кораблей эффективно поглощает радарный луч. Засечь истинное местонахождение противника — форменная головоломка. В основном точное попадание достигается анализом траектории целей-обманок. И хорошей работой оптики. Всё-таки какой бы безукоризненной черноты ни был вражеский корабль, где-то да царапнул его микрометеорит. А ещё, как он ни крутись, звезду какую-нибудь возьмёт да заслонит.

И у корабля есть слабое место: корма с хрупкими отражателями. На коммерческих судах отражатель, как правило, один — им опасаться нечего. На дестроерах по четыре, между которыми примостились кормовые батареи. И марсианам стрельнуть бы с кормы в пыльную тучу внизу, но то ли они посчитали, что сами так надымили, то ли просто не успели сообразить. Дестроеры били вверх, отдавая на это часть энергии и потеряв таким образом жизненно важное для них ускорение при разгоне. А «Роканнон» уже встал на ровный киль, высунул из тучи нос, получил идеальную картинку и принялся молотить всеми своими четырьмя основными пушками.

Троих замыкающих он просто, что называется, сбил. Как в тире. Пара из них потеряла ход и начала сыпаться на поверхность, Эссексу прямо на голову. Третий успел слегка отвернуть и погрёб боком, врубив на всю катушку вспомогательные маневровые двигатели в безуспешной попытке их слабеньким упором оттолкнуться от притяжения Красной планеты. Ещё одному дестроеру, поднявшемуся чуть выше, Эссекс так расколотил корму, что тот застрял на опасно низкой орбите, откуда ему была всё равно одна дорога — сбрасывать аварийные модули. Но остальные пятеро марсиан, сообразив, что дали промашку, бросились врассыпную и начали перестраиваться в боевой порядок. Все они были намертво захвачены следящими прицелами «Роканнона», и никакие ложные цели обмануть Эссекса уже не могли.

Но и сам Эссекс был у марсиан как на ладони. Чёрное пятно на фоне бурой поверхности. Минута до торжественного погребения. Сначала ровно полминуты на боевой разворот марсиан. Потом ещё столько же, чтобы накопить энергию для импульса. И гроб.

«Роканнон» с надрывом шёл вверх. Слишком медленно. Реактор захлёбывался — он все силы отдал на стрельбу и теперь не мог обеспечить быстрый разгон. Марсиане перестраивались. Тоже не спеша. Они были по-своему честные ребята, летать учились на Земле и теперь давали Эссексу время подумать — развалиться вместе с кораблём или сбросить экипаж на аварийных модулях. А уж спасатели толпой побегут из замаскированной базы. Ни разу ещё мятежный Ред-Сити не брал в плен астронавтов группы F. Может, даже не убьют.

— Есть подтверждение, — неестественно спокойным голосом доложил старпом. Эссекс кивнул. Второе крыло получило сигнал тревоги и приняло его к сведению. Возможно, на помощь Эссексу уже идёт Успенский на красавце «Фон Рее». Хотя умнее было бы записать «Роканнон» в расход и не гонять корабли туда-сюда попусту. Устав позволяет.

— Когда полная тяга? — убирая руки с контактов, спросил Эссекс. Просто так, чтобы хоть что-нибудь спросить.

— Не успеем, — ответил старпом. Он всё ждал, что Эссекс прикажет садануть одному из марсиан напоследок в борт и всем прыгать в аварийные модули. Но Эссекс решил иначе. И выдал такое, что «Роканнон» на пару секунд утратил боеспособность. Потому что все буквально обалдели. Сам Эссекс потом уверял, мол, на него озарение нашло. Припадок интуиции.

— Внимание! — сказал Эссекс. — Всем стоять! Через тридцать секунд я сброшу модули. Пустые! Ясно?! И уйду на баллистическую. Если кто-то хочет в плен — милости прошу. Думайте.

Воцарилась напряжённая тишина. Экипаж соображал. Кто-то схватился за голову. Но с места никто не сдвинулся.

— Убрать тягу! Энергию в накопители! — с облегчением приказал Эссекс. — Когда приблизятся, бьём кормовыми.

— Отлично! — радостно провозгласил бомбардир. И работа закипела в прежнем темпе. К аварийным модулям не убежал ни один человек.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

«Роканнон» использовал свой единственный шанс — притвориться брошенным и подманить врага вплотную. Марсиане уже почти развернулись. Эссекс сорвал чеку и утопил в гнезде кнопку сброса. Дестроер тяжело мотнуло из стороны в сторону. Корпус его в нескольких местах раскололся, и небольшие секции, озарившись пламенем тормозных двигателей, заскользили вниз.

Эссекс завалил корабль на баллистическую траекторию. «Роканнон», внешне неуправляемый, медленно удалялся от Марса по касательной.

Последующие минуты стали для экипажа таким испытанием, после которого шевелиться может только сумасшедший. Или военный астронавт, что примерно одно и то же. Марсианские дестроеры, словно принюхиваясь, повели носами, провожая модули выхлопными отверстиями главного калибра.

— Вот суки! — возмутился старпом. — Они ведь нас того... этого... И тут марсиане начали стрелять.

По «Роканнону» пронёсся крик. Это было невообразимо, чудовищно, это воскрешало в памяти рассказы об ужасах Заварухи и Полуночи. Такого на памяти землян не случалось никогда.

Аварийные модули вспыхнули и превратились в облака пара.

— А ведь убили нас, — констатировал старпом. — Ну, гады...

— Одно слово — красножопые, — сообщил бомбардир.

— Ты не ругайся, а думай, что делать, если они не станут нас брать на бордаж, — посоветовал Эссекс. — Они наверняка собрались прикрывать Ред-Сити. Им задерживаться тут нельзя.

— Полный ход вдгонку, и бьём носовыми, — сказал бомбардир. — Ещё парочку расковыряем легко.

— А остальные трое нас расковыряют, — добавил сзади кто-то из навигаторов.

— Всего лишь трое, — заметил старпом. — А было девять.

— Действительно! — удивился Эссекс. — Слушай, и правда девять! Я как-то даже не посчитал...

Марсиане снова перестроились и взяли курс на Ред-Сити. В боевой рубке дестроера раздался дружный вздох облегчения.

— Я не понял, — сказал Эссекс. — К нам идёт «катафалк» или нет?

— А как же! Сказали «высылаем подмогу».

— Как ты думаешь, — спросил Эссекс старпома, — пять — это много?

Старпом задумался. Сейчас каждый в экипаже имел право голоса. Сбросив пустые модули, Эссекс лишил своих людей единственного шанса на выход из боя живыми. Был, правда, ещё один шанс, но из разряда сомнительных: на орбите покинуть терпящий бедствие дестроер в спецкостюмах. Тут уже всё зависело от того, удастся ли заглушить и катапультировать реактор, сильно ли будет взрываться корабль и быстро ли подоспеет «катафалк», как обычно называли судно, на чью долю выпала спасательная миссия. Целых три «если». Если реактор не долбанёт, заражая пространство радиоактивной тучей; если корабль не разнесёт в щепы, на которые экипаж сядет, как на вертелы; если капитан спасателя будет достаточно опытен в поисковых работах...

А то, что марсиане расстреляли модули и таким образом Эссекс уже один раз всех здорово выручил, было сейчас не в счёт.

— Пять — это дохренища, — решил старпом. — Сейчас у наших преимущество минимальное. Да ещё и «катафалк» за нами отрядили. И тут являются эти... Конечно, Ред-Сити мы возьмём, но потерь будет неоправданно много.

Эссекс посмотрел вслед улетающим марсианам.

— Все так думают? — спросил он. — Да? Тогда я даю тягу. Приготовились, господа астронавты. Сейчас кому-то порвут его красную жопу...

Двадцатью минутами позже Эссекс через пробоину в обшивке прыгнул в космос, сложился пополам, зажал между колен маневровый пистолет и надавил гашетку. «Роканнон» выглядел как настоящее решето, и Эссекс, удаляясь от своего корабля, плакал от обиды. На его глазах прямо в боевую рубку ударил импульс главного калибра, и взрывом разнесло в клочья двоих, отчего-то застрявших поблизости. Эссекс кричал и ругался, не помня себя. А потом он провалился в странное забытьё, началась постстрессовая апатия, и на борт «Фон Рея» капитана втащили в бесчувственном состоянии. Он всё-таки уничтожил ещё один дестроер и основательно повредил второй. Ещё одного марсианина походя зашиб Успенский, а оставшиеся двое отвернули к Поясу и затерялись в нём.

Это была чистая победа и настоящий подвиг. Портрет капитана Эссекса красовался во всех сводках новостей и был навечно зафиксирован в анналах Сети. Земля гордилась своим воином и осыпала его почестями. Но сам Эссекс что-то очень важное оставил на марсианской орбите среди обломков «Роканнона».

Психологическое кондиционирование он прошёл за два месяца и был признан вполне годным к лётной службе. «Роканнон-2» уже готовился к ходовым испытаниям. А Эссекс изменился до неузнаваемости. Он стал медлителен и задумчив. В его душе поселилась тоска. Эссекс не хотел быть героем и совершать подвиги. Ещё в училище ему объяснили, что героическим личностям в космосе не место. Слишком дорого стоят боевые корабли, чтобы проявлять на них чудеса храбрости. Группа F даже в самые «жирные» свои времена насчитывала не более пятидесяти единиц, включая самую мелочь, и ходили на них люди благоразумные, военные в лучшем смысле этого слова. То есть способные рисковать, но всегда чётко просчитав допустимую границу риска. И стараясь её не переступить без крайней необходимости.

Земля воевала с бывшими колониями методично и аккуратно. Искала бреши в чужой стратегии и била туда. Но, как говорил капитан Успенский (и был за это многократно наказан): «Против второго принципа термодинамики не попрётся!» Много раз Эссекс видел, как другие офицеры расплачиваются за чужие ошибки. И надеялся, что ничего подобного с ним не случится. Когда случилось, Эссекс вышел из безнадёжной ситуации. И понял, что ещё раз такой фокус не удастся.

А главное — он потерял веру в благоразумие своих коллег. Оглядываясь назад, он видел страшные пробелы в стратегическом планировании, нелепые тактические ошибки и хронический недомотр по мелочам. Раньше он этого почему-то не замечал. А теперь любая нечёткость резала ему глаз. Эссекс всех и вся подозревал в халатности и некомпетентности.

Нечеловеческим усилием воли он снял «Роканнон-2» с земной орбиты и повел его к Марсу. Но в строй Второго крыла прикрытия дестроер поставил старший помощник. А Эссекс заперся в каюте, вызвал Успенского и рассказал ему о своей проблеме, запинаясь и пряча глаза.

— А ты не нервничай, Фил, — посоветовал с монитора Успенский. — Во-первых, война фактически кончилась. А во-вторых... До тебя просто ещё слухи не дошли. Нашему крылу нужен молодой и толковый начальник штаба. Кандидатур на сегодня две. Я отбрыкиваюсь, как могу. А ты согласишься. И всё. Как раз для тебя должность. Засядешь на бэттлшипе, и никаких проблем. Главное — психологам ни слова. А то мигом вниз загремишь.

— Не знаю... — пробормотал Эссекс в замешательстве. — Понимаешь, Алекс, я страшно боюсь ошибок. Любых. И своих в том числе.

— Главное, психологам об этом не говори, — повторил Успенский.

— Слушай, Алекс, неужели я заболел? — в ужасе выдавил из себя Эссекс.

Успенский рассмеялся.

— По-моему, Фил, ты просто вырос, — сказал он. — Ничего, привыкнешь. А за совет с тебя причитается.

Через неделю Эссекс перешёл на штабную работу, и с этого момента больше ни разу не управлял кораблём лично. И действительно успокоился. Потом его выдвинули в командиры Второго крыла. Потом — в начальники штаба группы F. В этой должности он прошёл ещё одну войну, точнее, полторы, если считать рейд устрешения на Венеру. Он стал опытным штабным офицером и редкой сволочью. Но группа F — терпела. В конце концов, адмирал Рашен мог быть при желании таким гадом, что Эссекс на его фоне просто тёрся. И все признавали, что оба этих незаурядных человека заслужили право вести себя так, как им хочется.

Зато с ними не пропадёшь.

* * *

А теперь две незаурядные личности неспешно приближались по широкому бетонному плацу к зданию Адмиралтейства. Рашен сделал лёгкое движение рукой, и охрана почтительно отошла подальше. Эссекс поёжился: он без охраны чувствовал себя неудобно. Рашен, наоборот, телохранителей на дух не переносил. Он всегда говорил,

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

что телохранители отчего-то слишком долго живут, а вот охраняемые тела — наоборот.

— А вас команда не касается? — бросил Рашен через плечо адъютантам. — Брысь отсюда!

Мейер и Мозер очень похоже сморщились и немного приотстали.

— Ну? — спросил Эссекс. — Есть идеи?

— Ты бухгалтерию подчистил?

— Успел.

— Значит, ты ничего не знаешь. Всё на меня вали. Я на «Рипли» ездил? Ездил. С Абрамом имел конфиденциальную беседу? Да. А в остальном ты не в курсе.

— Как скажешь, Алекс.

— И запомни. Есть только один тип вооружения, которым можно подбить наши корабли с Земли. Это решения Собрания Акционеро́в. Пока Собрания не было, мы потенциально сильнее всех.

— Ага, — Эссекс уныло кивнул.

— Я этих идиотов буду защищать даже если они мне это запретят в приказе, — неожиданно зло прошипел Рашен. — Если Абрам найдёт следы чужих...

— Угу, — поддакнул Эссекс.

— Может ведь такое быть, правда, Фил?

— А то, — снова кивнул Эссекс и покосился на своих охранников.

— Да что ты всё озираешься?

— Отвык, — смутился контр-адмирал. — Как-то здесь неудобно. Ветер... И всё такое.

— Потолка нет? — спросил Рашен язвительно. — Жопу спрятать некуда?! Кр-рыса штабная... Норное животное... Таракан!

— Ты чего? — обиделся Эссекс. — Совсем уже... того.

— И как я с тобой воевать буду? — пробормотал Рашен, глядя в хмурое небо. — Одно слово — Задница... Эссекс, смени фамилию.

Эссекс протянул руку и крепко взял адмирала за локоть.

— Не психуй, Алекс, — попросил он. — Отобьёмся как-нибудь.

На большой дисплей, занимавший целую стену в кабинете адмирала флота, была выведена карта Марса. Ничего подобного Рашен увидеть не ожидал и удивлённо вытаращился. Эссекс, оказавшись в закрытом помещении, сразу повеселел, расправил плечи и ел взглядом начальство.

— Здравствуйте, молодые люди, — сказал адмирал флота Кениг, отмахиваясь от положенного по уставу салюта. — Прошу садиться. Как самочувствие? Настроение? Что группа F?

— Самочувствие в норме, вверенная мне группа без происшествий, ожидаю приказаний, — доложил Рашен, усаживаясь в кресло.

— Настроение боевое, — соврал Эссекс, садясь так, чтобы Рашен хотя бы отчасти прикрыл его от Кенига.

— Работать готовы? — спросил Кениг.

Рашен и Эссекс недоуменно переглянулись.

— Так точно, сэр, — сказал Рашен, но интонация его была скорее вопросительная.

— Сейчас объясню, — Кениг мягко улыбнулся. На флоте его за глаза обзывали «Дядя Гуннар». С такой вот дружелюбной улыбкой Кениг приказывал бомбить заведомо гражданские объекты или намекал, что десанту при захвате марсианских городов следует быть пожестче. А на Венере Кениг устроил форменное побоище. Рашен не винил шефа. Дядя Гуннар подчинялся Директорам, а земное правительство в своё время очень хотело запугать сепаратистов так, чтобы и внукам заказали не ссориться с метрополией. Увы, результаты получились с точностью до наоборот. Население Земли по-прежнему не дотягивало до ста миллионов, и бескрайние просторы, ждущие умелых рук, лежали в запустении. А свежая кровь бывших колоний что-то не спешила влиться в жилы земной цивилизации, страдающей бесплодием и генетическими мутациями. Сепаратисты предпочитали с чудовищными трудностями обживать свои жестокие миры, а Землю обзывали колыбелью вселенского зла. Их тоже можно было понять: со времён Полночи, убившей девяносто восемь землян из ста, едва минул век, и тем не менее за это столетие Земля умудрилась развязать две межпланетные войны.

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

— Итак, господа, — сказал Кениг. — Есть для вас халтура. Причем, её хорошо оплатят. Сделка бартерная, но очень выгодная для Земли.

— Опять Марс... — Рашен тоскливо кивнул.

— Опять, — согласился Кениг. — Сам просит о содействии. Заказ от правительства Республики. В порядке, так сказать, оказания помощи согласно договору о сотрудничестве, дружбе и ненападении. Смотрите, господа.

Карта за спиной Кенига сменила масштаб, и намётанный глаз Рашена тут же опознал участок марсианской поверхности недалеко от южного полюса.

— Так, — сказал Эссекс, подавшись вперёд. — Знаю это место.

— И как оно вам? — поинтересовался Кениг.

— Пустыня, — коротко ответил контр-адмирал.

— Если бы! — усмехнулся Кениг. — Дали мы промашку. Стоило нам это местечко основательно прочесать. А мы ограничились поверхностным осмотром... Это, кстати, в ваш огород камешек, господин начальник штаба группы.

— Мы искали военные объекты, — вступился за своего подчинённого Рашен. — Мы всё-таки не геологи, а группа F.

— Геологи? — хитро прищурился Кениг. — Вы схватываете на лету, господин Успенский. Жаль, что вы не геолог. А то бы у нас уже имелась в этой точке хорошо укреплённая база.

— Уран, — сказал Рашен утвердительно.

— Не быть вам, дорогой Алекс, никогда адмиралом флота, — заметил Кениг.

— Что, слишком умный?

— Опасно умный. Опасно, друг мой.

— А кто же тогда?.. — невоспитанно ляпнул Рашен. Все знали, что Дяде Гуннару осталось несколько месяцев до пенсии.

— Да никто, — мрачно сказал Кениг. — Я полагаю, это будет ваш последний боевой поход.

Услышав слово «последний», Рашен невольно поёжился. Эссекс тоже. Как все практикующие астронавты, они были немного суеверны и предпочитали выражение «ещё разок». А то, не ровён час, сглазишь, и поход окажется действительно последним в твоей жизни.

— Так что можете не жалеть технику, — продолжал Кениг. — Вырабатывайте её до упора. До конца. Хоть об поверхность колотите.

— У нас техника и без того на нуле, — вставил Эссекс. — На таких гробах ходим, просто ужас.

— А почему вдруг мы? — спросил Рашен. — Почему, скажем, не полицейские?

— У полиции свои задачи. Они сейчас Пояс наизнанку выворачивают. А ваше дело — уничтожить противника. Вот и будете уничтожать. Знаете, молодые люди, вы меня не уводите от темы. За ужином поболтаем.

— Виноват, сэр.

— Постыдились бы, Успенский, такое вслух говорить, — неожиданно вспомнил старое Кениг. — У вас и так на лице написано, что виноваты. Грубость и нетактичное поведение — ваш образ жизни. А ещё целый адмирал. Даром что русский.

— Какой есть, — сказал Рашен просто, без выражения.

— За что и ценю. Значит, так. — Кениг двинул рукой по контактам, и карта увеличилась ещё. — Вот, смотрите. Здесь марсиане наметили разработку ещё около пятидесяти лет назад. Тогда у них не было для этого мощностей. Сейчас есть. Они двинули на точку людей и технику, и всё исчезло. Посмотрели со спутника — никаких следов. Отправили спасательную группу — опять с концами. Мимо шёл наш полицейский скаут, попросили глянуть, что такое. Прежде чем его сбили, полицейский засёк несколько пусков. В общем, на месторождении кто-то вовсю роет и вывозит уран в Пояс. Разумеется, когда мимо проходит спутник, жизнь на точке замирает. Копаются они там не меньше года и успели хорошо закрепиться. Марсианам такая база не по зубам. А вам — в самый раз.

Рашен через плечо бросил взгляд на Эссекса. Тот неопределённо шевельнул бровью. Рашен брезгливо покосился на карту и уже собирался открыть рот, когда его перебили.

— Только не надо! — попросил Кениг. — Вот только этого не надо! Вы за кого меня принимаете? Десантник с вами будет, разумеется! Но вы подойдёте на точку первыми. Уничтожите все наземные вооружения и собьёте всё, что попытается взлететь. А потом уже подвалит десантник и произведёт высадку под вашим прикры-

тием. И всё, больше от вас ничего не требуется. Останетесь чистенькими. Рыцари, вашу мать!

— Понял, сэр, — кротко сказал Рашен. — Какие ещё будут указания?

— Детали я отошлю вам наверх через несколько часов. Вместе с приказом. Отвалите через сутки. С марсианами в контакты не вступать. Подходите скрытно, делаете свою работу, и всё. Ясно?

— Сколько готовить кораблей? — спросил Рашен. — Одного ударного крыла хватит?

— Все готовьте, — отрезал Кениг. — Вся группу. Десантник с вами пойдёт «Декард-2». В общем, ознакомитесь с приказом — разберётесь.

— Зачем всю группу? — удивился Рашен. — Сорок восемь единиц! Это же бешеные деньги!

— Денег нам дают немерено, — хмуро сказал Кениг. — А вот данных о том, что творится над южным полюсом Марса, ни хрена нету.

Рашен снова посмотрел на Эссекса. Тот опять двинул бровью.

— Несчастливое имя — «Декард», — сообщил он.

— Это вы к чему? — не понял адмирал флота.

— К тому, сэр, что с нами второй «Декард» пойдёт. Имя несчастливое.

— Час от часу не легче! — взорвался Кениг. — Имя ему не подходит! Десантник ему другой подавай! Всей группой не хотят идти! Знаете, куда бы я вас послал, будь моя воля?!

— И тем не менее, сэр, почему нужна вся группа? — спросил Рашен.

— В Поясе урана мало, — сказал Кениг. — А пиратских круизеров много. Даже по скромным подсчётам не меньше десятка. И как минимум один бэттлшип. И не забудьте, что любой пиратский грузовик или буксир — это переоборудованный дестроер.

— И все они тут же бросятся отбивать свои шахты, — саркастически заметил Рашен.

— Запросто, — сказал Кениг.

— Вы что-нибудь понимаете, контр-адмирал? — спросил Рашен через плечо.

Эссекс покрутил носом и выпятил челюсть.